

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН В РОССИИ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII В.

(К ПРОБЛЕМЕ «ЗАПОВЕДНЫХ ЛЕТ» И ОТМЕНЫ ЮРЬЕВА ДНЯ)

В. И. КОРЕЦКИЙ

Вопрос об усилении закрепощения крестьян в конце XVI — начале XVII в. является одним из наиболее важных и спорных в истории крестьянства России периода феодализма. Решение его сильно затруднено крайней малочисленностью сохранившихся источников. Московские пожары 1612 и 1626 гг. произвели большие опустошения в русских архивах. В огне вместе с многими другими важными документами погибла Уставная книга Поместного приказа, в котором в конце XVI — начале XVII в. вершилась основная масса дел о беглых и вывезенных крестьянах. Из всего законодательства по крестьянскому вопросу 80—90-х годов XVI в. до нас дошел полностью лишь один указ — от 24 ноября 1597 г., устанавливавший пятилетний срок подачи исковых челобитных о беглых крестьянах¹.

Между тем уже простое сравнение положения крестьян по Судебнику 1550 г. с их положением по закону от 24 ноября 1597 г. и последующему законодательству начала XVII в. указывало исследователям на то, что в истории крестьянства за истекшее время произошли изменения принципиального порядка, характеризовавшиеся повсеместной потерей крестьянами права выхода в Юрьев день.

Когда и как это произошло? Какие законы были изданы, или право крестьянского выхода умерло без законодательной его отмены? — таковы те вопросы, которые неизбежно вставали перед исследователями, пытавшимися восстановить конкретную картину процесса закрепощения крестьян в конце XVI в.

Одно из решений этих вопросов было предложено в первой половине XVIII в. В. Н. Татищевым, нашедшим и подготовившим к печати такие исключительно важные для изучения истории русского крестьянства источники, как Судебник 1550 г., указ от 24 ноября 1597 г., указ от 21 ноября 1601 г. и Уложение 9 марта 1607 г. Основываясь на этих документах, В. Н. Татищев пришел к выводу, что издревле свободные русские

¹ Указ от 24 ноября 1597 г. сохранился в списках Сводного Судебника начала XVII в. См. А. И. Андреев. Сводный Судебник. «Известия Академии наук СССР», Л., 1925, стр. 635—636; «Памятники русского права» (ПРП), вып. IV, М., 1956, стр. 479—481, 539—540, 570.

крестьяне были прикреплены к земле и превращены в крепостных путем одного государственного акта — закона о запрещении выхода в Юрьев день. Механически отсчитывая 5 лет от 1597 г., когда был издан указ о беглых крестьянах, В. Н. Татищев относил законодательную отмену Юрьева дня к 1592 г.²

Взгляды В. Н. Татищева на ход закрепощения в конце XVI в. были в основном приняты Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, Б. Н. Чичериным, Н. И. Костомаровым, И. Д. Беляевым и В. И. Сергеевичем³, получившими в литературе наименование сторонников «указного» прикрепления крестьян.

Их противниками во второй половине XIX в. явились К. С. Аксаков и М. П. Погодин, а затем В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, П. Е. Михайлов⁴.

В. О. Ключевский развил мысли своих предшественников относительно «безуказного» прикрепления крестьян и создал новую концепцию возникновения крепостного права из крестьянской задолженности.

Сторонники «безуказного» прикрепления крестьян не считали, что государство активно участвовало в процессе закрепощения. Справедливо критикуя В. Н. Татищева за неправильный подход к определению времени издания указа о запрещении выхода, они и сам этот указ объявили мифическим. Ими без достаточных оснований был взят под сомнение помещенный в начале Уложения 9 марта 1607 г. доклад бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе, содержащий историческую справку хода закрепощения в конце XVI—начале XVII в. Вместе с тем авторы концепции о «безуказном» прикреплении крестьян в противовес своим противникам, которые на протяжении многих лет не могли представить новых документов, подтверждающих их точку зрения, подкрепляли свои взгляды вводом в научный оборот все новых и новых архивных материалов, характеризовавших положение крестьян в повседневной жизни, они правильно подметили закабаление крестьян землевладельцами и, обратив в лице М. А. Дьяконова внимание на старожильцев, первые пробили брешь в представлениях об исконной свободе русских крестьян. Если добавить сюда, что защитником и пропагандистом концепции «безуказного» прикрепления был В. О. Ключевский, то станет понятным, почему она на некоторое время получила преобладание в исторической литературе⁵.

² «Судебник государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные... В. Н. Татищевым», М., 1768, стр. 123—125.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, СПб., 1824, стр. 208—210 и примечания 349 и 352; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI—X, СПб., стб. 645—648. С. М. Соловьев относил издание указа к концу 1584 г. (см. стб. 647)); Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, М., 1858, стр. 223; Н. И. Костомаров. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? Собр. соч., кн. I, СПб., 1903, стр. 224—229; И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 4, М., 1903, стр. 95, 304. И. Д. Беляев относил издание закона о запрещении выхода ко времени «около 1591 г.»; В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, изд. 2, СПб., 1902, стр. 252—254. В. И. Сергеевич датировал указ о запрещении выхода 1584—1585 г.

⁴ К. С. Аксаков. По поводу «Белевской виблиофики», изданной Н. А. Елагиным, Полн. собр. соч., т. I, М., 1861; М. П. Погодин. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права. «Русская беседа», кн. IV, М., 1858; В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России, Опыты и исследования, сб. 1, изд. 2, М., 1915; М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1898; П. Е. Михайлов. Обычный институт старожильства в процессе образования крепостного права. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1912, № 1.

⁵ Своеобразно объяснял возникновение крепостного права в России И. Энгельман, утверждавший, что отмена Юрьева дня явилась косвенным следствием указа от 24 ноября 1597 г. См. И. Энгельман. История крепостного права в России, 1900, стр. 37.

В таком состоянии находился вопрос о возникновении крепостного права в русской буржуазной историографии, когда в конце XIX — начале XX в. были обнаружены в архивах материалы, содержащие известия о заповедных годах.

Новые данные позволили Д. М. Одыню и Д. Я. Самоквасову сделать вывод о запрещении крестьянского выхода в России в конце XVI в. посредством введения заповедных лет⁶.

С момента опубликования работ Д. М. Одынца и Д. Я. Самоквасова проблема заповедных лет надолго встала в центре внимания исследователей, занимающихся историей крестьянского закрепощения 80—90-х годов XVI в.

Критические замечания в адрес новой концепции со стороны пытавшегося защищать теорию «безуказного» прикрепления крестьян М. А. Дьяконова относительно того, что режим заповедных лет вводился частными мерами, возможно, с 70-х годов XVI в. и действовал лишь на ограниченной территории, никогда не получив общегосударственного завершения⁷, решительно отвергались ее приверженцами.

В 1922 г. С. Ф. Платонов усматривал цель дальнейших исследований по вопросу крестьянского закрепощения конца XVI в. в поисках закона о заповедных годах⁸.

Принципиально новый подход к вопросу возникновения крепостного права в России был осуществлен в советской историографии, основывающейся на марксистско-ленинской теории.

В трудах советских историков, среди которых особенно большое значение для изучения проблемы имеют фундаментальные исследования Б. Д. Грекова, были подвергнуты критике идеалистические взгляды как сторонников «указного», так и сторонников «безуказного» прикрепления крестьян, выявлены глубокие социально-экономические причины усиления закрепощения в XVI в., показано, что юридическое оформление в общегосударственном масштабе крепостного права в конце XVI в. в России было лишь этапом в длительном и сложном процессе закрепощения крестьян, протекавшем в нашей стране с IX в.

Со времени находки известий о заповедных годах в архивах не было обнаружено таких материалов, которые позволили бы по-иному подойти к этой проблеме. Закон о заповедных годах, к поискам которого призывал С. Ф. Платонов, также остался неразысканным. Поэтому создавая Б. Д. Грековым концепция лишения крестьян права выхода в России⁹, в выработке которой принял активное участие С. Б. Веселовский¹⁰, базируется в основном на источниках, добытых в архивах еще в конце XIX—

⁶ Д. М. Одынец. К истории прикрепления владельческих крестьян. «Журнал министерства юстиции» (ЖМЮ), 1908, № 1; Д. Я. Самоквасов. Крестьяне древней Руси, «Архивный материал», т. II, М., 1909. Д. Я. Самоквасов считал, что крестьяне на Руси были лишены права выхода в основной своей массе еще варяжскими и татарскими завоевателями, а в 1581 г. правительство изданием указа о заповедных годах прикрепило к земле последние остатки вольных людей среди сельского населения.

⁷ М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета, Пг., 1915. К этим критическим замечаниям М. А. Дьяконова позже в той или иной степени, присоединились В. Г. Гейман, С. И. Тхоржевский, И. И. Полосин. См. В. Г. Гейман. Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян, «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922; С. И. Тхоржевский. Поместье и крестьянская крепость. «Труд в России», т. I, Л., 1924, И. И. Полосин. Поместное право и крестьянская крепость. «Ученые записки Института истории РАНИОН», вып. IV, М., 1929.

⁸ С. Ф. Платонов. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922, стр. 22.

⁹ Б. Д. Греков. Юрьев день и заповедные годы. «Известия Академии наук СССР», т. XX, Л., 1926; Его же. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, М.—Л., 1940; Его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2, М., 1954.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Из истории закрепощения крестьян (отмена Юрьева дня). «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928.

начале XX в. В своих главных положениях она сводится к следующему: в 1580 или в 1581 г. был издан указ, временно запрещающий выход крестьян на всей территории государства¹¹. С тех пор вплоть до издания 24 ноября 1597 г. указа о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян законодательство по крестьянскому вопросу не подвергалось каким-либо изменениям. Годы, когда выход был запрещен, назывались заповедными, их течение в 1601 и 1602 гг. было прервано выходными годами, когда особыми указами разрешался выход и вывоз крестьян по правилам Судебника 1550 г. После Уложения 9 марта 1607 г. выходных лет уже не было: режим заповедных лет был молчаливо распространен на XVII в.

Б. Д. Греков, характеризуя введение заповедных лет как крупный поворот в истории крестьянства России, считал проблему заповедных лет окончательно решенной и предлагал сомневающимся отбросить свои сомнения¹².

Концепция Б. Д. Грекова в настоящее время является господствующей в нашей литературе¹³. Однако, если указание Б. Д. Грекова на заповедные годы как на крупное общественное явление нельзя не признать правильным, то высказанное им мнение об окончательном решении проблемы вызывает серьезные сомнения.

Проблема заповедных лет, а вместе с ней и весь ход закрепощения крестьян в конце XVI — начале XVII в. требуют дальнейшего, более детального изучения. Многое здесь еще остается спорным и неясным.

В настоящей статье предпринята попытка восстановления законодательства о крестьянах 80—90-х годов XVI в. путем привлечения и анализа как печатных источников, так и новых архивных материалов. Ее следует рассматривать как один из возможных подходов к вопросу, окончательное решение которого предполагает объединенные усилия многих советских историков.

Попробуем суммировать известия источников о заповедных годах.

Семь документов местного делопроизводства содержат упоминания о заповедных годах¹⁴. Это обыски и отдельные грамоты на поместья в Деревской пятине Новгородского уезда, относящиеся к 80-м годам XVI в.

В отдельной грамоте на поместье новгородскому помещику Б. Сомову от 12 июня 1585 г. говорится: «и ис тих дворов, которые в деревни на Мошни пустыя, разошлись в заповедные лета: в 90-м году, и в 91-м году, и в 92-м году, и в 93-м году: шел в государево село Холыньское, в деревню на Костова, Прошко Петров...» и т. п.¹⁵.

¹¹ При этом Б. Д. Греков, употребляя наряду с термином «закон о заповедных годах», также термин «законы о заповедных годах», не сомневался в том, что режим заповедных лет сразу же, в 1581 г., охватил всю территорию государства (см. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 305, 307—309 и др.). С. Б. Веселовский же, говоря о «заповедных указах», считал возможным допустить, что они в первое время распространялись не на все государство (см. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 207). Однако Веселовский оставлял без ответа вопрос о том, когда и каким путем режим заповедных лет получил общегосударственное значение.

¹² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 307—308. После работы Н. С. Чаева, указывавшего на гипотетичность наших представлений о заповедных летах (см. Н. С. Чаев. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. «Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 157), специальных исследований по этой теме, кроме работ Б. Д. Грекова, в советской исторической литературе не появлялось.

¹³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., М., 1951, стр. 50—52; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.», М., 1955, стр. 465—466.

¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, № 16—18, 20, стр. 449—453 и № 54, стр. 499—500. Два документа остались ненапечатанными у Д. Я. Самоквасова — см. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Новгородская приказная изба, отказная книга № 776, лл. 262—264 и отказная книга № 784, л. 251.

¹⁵ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 449—450.

В других грамотах имеются аналогичные сведения¹⁶. Известия о заповедных годах сохранились также в документах, вышедших из центральных правительственных органов.

В Торопецкой уставной грамоте 1590—1591 гг. сказано: «И на пустые им (посадским людям г. Торопца. — В. К.) места старинных своих тягловцев из-за князей и из-за детей боярских, и из-за монастырей, и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их места, где кто жил наперед того, безоброчно (следует читать: «бессрочно». — В. К.) и беспошлинно»¹⁷.

Последнее из упоминаний о заповедных годах содержится в грамоте на Двину от 14 апреля 1592 г., в которой дается следующее предписание представителям местной администрации: «Да и вперед бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши черные деревни не вывозили, тем их Никольские вотчины не пустошили»¹⁸.

Таковы те немногие известные в настоящее время прямые ссылки на заповедные годы как на действующее законодательство по делам о беглых и вывезенных крестьянах.

В литературе делались попытки расширить узкий круг источников о заповедных годах путем привлечения косвенных данных. В. Г. Гейман указал, что в работе над проблемой может быть использована порядная крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря И. У. Бояринова, который в 1584 г. обязывался «из-за Прилуцкого монастыря, ис тое деревни, не вытти ни где до государева указу»¹⁹.

Б. Д. Греков справедливо усматривал косвенные свидетельства относительно времени введения заповедных лет в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в отрывках монастырских прихода-расходных книг, опубликованных Н. Тимофеевым²⁰.

Для доказательства широты действия закона о заповедных годах и охвата им уже в 1581 г. всей территории государства исследователями приводился наказ старца Мисаила Безнина от 6 января 1595 г., указы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. и Уложение 9 марта 1601 г.²¹.

Однако вряд ли возможно для характеристики режима заповедных лет в 80-х годах XVI в. привлекать без надлежащей проверки источники середины 90-х годов XVI в. и начала XVII в.

Относя издание закона о заповедных годах к правительственной деятельности накануне церковного собора 1580 г., Б. Д. Греков указывал на

¹⁶ У Д. Я. Самоквасова напечатан ряд обысков и отдельных грамот других пяти Новгородского уезда, в которых фигурируют беглые и вывезенные крестьяне и которые относятся к тому же времени, что и приведенные выше документы Деревской пятины, но в них нет упоминаний о заповедных годах (см. Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 448—449, 483—484, 499, 500—501 и др.).

¹⁷ «Чтения Общества истории и древностей российских (ОИДР)», кн. II, 1902, стр. 359. Грамота была напечатана в свое время И. Побойниным по списку конца XVII в., хранящемуся в ЦГАДА (ф. Разрядный приказ, Разрядный стол, столбец (ст.) № 1182, лл. 7—15), с ошибкой в расстановке знаков, искажающей смысл (постановка запятой до «заповедных лет»), и с ошибочным написанием списка «безоброчно» вместо стоявшего, очевидно, в тексте подлинника «бессрочно». Ср. с Важской уставной грамотой 1552 г., в которой соответствующее место сформулировано следующим образом: «Старых... своих тягловцев крестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того». Акты Археографической экспедиции (ААЭ), т. I, СПб., 1836, № 234. За такое чтение высказывался С. Б. Веселовский. См. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 208, прим. 3.

¹⁸ «Русская историческая библиотека (РИБ)», т. XIV, СПб., 1894, стб. 135—137.

¹⁹ В. Г. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия. «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II, вып. I, Пг., 1924, стр. 293.

²⁰ Н. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI века. «Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939.

²¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 306—307.

предисловие, предпосланное принятому на этом соборе приговору²². Упоминаемое там уложение Б. Д. Греков связывает с уложением, на которое ссылался в 1584 г. на суде рязанский помещик Тимофей Шиловской, когда обвинял дьяка Шерефединова в насильственном вывозе крестьян²³, и предлагает считать это уложение законом о заповедных годах. Однако нетрудно заметить, что эта связь осуществляется чисто формальным путем, так как в приведенном Б. Д. Грековым тексте вообще ничего не говорится о крестьянском вопросе, а речь идет лишь о монастырских землях, купленных монастырями или полученных ими в качестве вкладов. Относительно этих земель и было составлено уложение, утвержденное церковным собором 1580 г. Со ссылками на уложение 1580 г. мы встречаемся в актах конца XVI в., посвященных земельным вопросам²⁴.

Б. Д. Греков, так же как С. Ф. Платонов и С. Б. Веселовский, полагал, что под упоминаемым в судном деле 1584 г. уложением Грозного надо разумеать закон о заповедных годах²⁵. Однако документально связать это известие с сообщениями о заповедных годах не удастся: в судебном деле 1584 г. ничего не говорится о заповедных годах, а в документах о заповедных годах отсутствуют ссылки на какое-либо уложение. Поэтому не исключена возможность, что в данном случае мы имеем дело не с законом, запрещающим крестьянский выход, а с Судебником 1550 г., ст. 88 о крестьянском отказе которого нарушил своими насильственными действиями дьяк Шерефединов.

Б. Д. Греков, полемизируя с высказавшим эту мысль И. М. Кулишером²⁶, в подтверждение своего понимания вопроса приводит следующие соображения: «1) в деле Судебник упоминается и называется Судебником... 2) обычно, когда дело идет о нарушении ст. 88 Судебника (о крестьянском отказе) акты говорят о вывозе крестьян «беспошлинно», «не по сроку», «без отказу» и т. п., не ссылаясь ни на какое уложение». В деле

²² «Лета 7089 генваря в 15 день, государь царь и в. к. Иван Васильевич... со всеми бояры приговорили о землях, которые за монастыри вотчины куплены и вклады даваны и грамота по тому приговору написана и по той грамоте и по уложению в Поместной избе дьяком и делати» (ААЭ, т. I, № 308). Б. Д. Греков, говоря о решениях церковного собора 1580 г. (см. Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 248), ссылается при этом не на подлинник соборного приговора 15 января 1580 г. (см. «Собрание государственных грамот и договоров» (СГД), ч. I, М., 1813, № 200), а на текст, помещенный в Сводном Судебнике 1606 г. и датированный 15 января 1581 г., в котором одни исследователи склонны видеть неполное изложение соборного приговора 1580 г. в форме позднейшей приказной выписки из него, а другие — новый приговор, подтверждающий с некоторыми изменениями указ 1580 г. (см. ПРП, вып. IV, стр. 559—560). Нет достаточных оснований относить введение заповедных лет, хотя бы для района Шелонской пятины, к 1570 г., как это делали И. И. Полосин и С. И. Тхоржевский, основывавшиеся на материалах обыска поместья опричника Ю. Нелединского, в которых содержится упоминание о какой-то «заповедной грамоте», присланной из Новгорода в Шелонскую пятину (см. Д. Я. Самоковцов. Указ. соч., т. II, стр. 50). Анализируя материал обыска, можно предположить, что заповедь касалась временного запрещения крестьянских выходов и вывозов в условиях, когда быстрая высылка помещиков и вотчинников в период опричнины из одних районов страны в другие создавала такое положение, что правила Судебника просто не могли быть осуществлены из-за того, что принимать отказы было некому. Приостановление крестьянских выходов и вывозов происходило до появления новых владельцев, когда эти ограничения отпадали, и вновь вступала в действие ст. 88 Судебника 1550 г. Поэтому в этих действиях правительства следует видеть скорее не заповедные годы, а лишь меры, подготавливавшие их введение в дальнейшем.

²³ Т. Шиловской обвинял дьяка в том, что тот «государевы поместные земли и вотчины пашет и крестьян насильством твоих государевых дворцовых сел и из-за детей боярских возит мимо отца твоего, а нашего государя, уложения». А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, ч. I, М., 1898, стр. 206.

²⁴ ЦГАДА, ф. Грамот коллегии экономии (ГКЭ), Муромский у., № 7790.

²⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 305; см. также С. Ф. Платонов. Иван Грозный, Пг., 1923, стр. 144; С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 207, 208.

²⁶ И. М. Кулишер. Несвободное состояние крестьян и один из признаков его — юридическое и фактическое прекращение перехода в 16—17 ст. «Труд в России», т. I, Л., 1924, стр. 198.

Шиловского этого нет. «Значит, — заключает Б. Д. Греков, — нарушены были не правила Судебника, а какой-то другой закон»²⁷.

На первое из этих соображений можно возразить, что термин «уложение» встречается в ссылочной памяти, поданной в суд самим Шиловским, а термин «Судебник» употребляется в других частях дела и принадлежит официальному лицу, которому была поручена его запись²⁸.

Второе наблюдение Б. Д. Грекова заслуживает большего внимания. Действительно, в деле не упоминаются условия отказа по Судебнику, когда говорится о незаконном вывозе крестьян. Однако с аналогичным положением мы встречаемся и в других грамотах²⁹.

Наконец, в актах имеются ссылки и на «уложение», под которым разумеется Судебник 1550 г. Так, в грамоте казанскому Зилантову монастырю от 4 августа 1574 г. сразу же за ссылкой на условия выхода по Судебнику 1550 г. говорится: «а м и м о б у л о ж е н ь я, как по сроку за монастырь крестьянин пойдет, пошлин и пожилого не имали»³⁰ (разрядка моя. — В. К.). Но если на практике случилось, что феодалы при выводе крестьян брали с них пошлыны «мимо уложения», т. е. Судебника, то почему же нельзя допустить, что дьяк Шерефединов, вывозя «мимо уложения» крестьян, нарушал ст. 88 Судебника о крестьянском отказе?

Предположение об обращении в ходе судного дела 1584 г. к Судебнику 1550 г. представляется тем более вероятным, что в ряде документов 80-х — начала 90-х годов (вплоть до весны 1592 г.) содержатся прямые и косвенные ссылки на ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе.

М. А. Дьяконов указал в свое время на три таких случая³¹: во-первых, на Судебник 1589 г., в котором статья Судебника 1550 г. была воспроизведена с незначительными изменениями, во-вторых, на уставную грамоту 1590 г. патриарха Иова Новинскому монастырю, где говорится: «а который крестьянин выйдет за волость по сроку с отказом и та выть пахати того села крестьяном, а тягль царя и великого князя и монастырские подати давати всякия и дело делати покаместа крестьянин будет на ту выть, а игумену в ту выть не вступатися» и, наконец, в-третьих, на грамоту от 14 апреля 1592 г. двинскому земскому судейке И. Безбородову, в которой в части, излагающей челобитье властей Никольского Корельского монастыря, сказано, что крестьяне выбежали из-за монастыря «без отказу, безошлинно»³².

Б. Д. Греков, однако, не склонен придавать этим фактам какого-либо значения в изучении проблемы заповедных годов³³.

²⁷ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 304—305.

²⁸ А. Юшков. Указ. соч., стр. 206, 230.

²⁹ М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II, Юрьев, 1897, стр. 28.

³⁰ Акты Исторические (АИ), т. I, СПб., 1841, № 191; см. также Дополнения к Актам Историческим (ДАИ), т. I, СПб., 1846, № 51, XVIII.

³¹ М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета, стр. 9—10. Четвертый случай, приводимый здесь М. А. Дьяконовым, отпадает, так как относится ко времени до начала введения заповедных годов.

³² «Судебники XV—XVI вв.», М.—Л., 1952; «Временник ОИДР», кн. 2, М., 1849, Смесь, стр. 19; РИБ, т. XIV, стб. 136.

³³ Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 300—301. Первое свидетельство отвергается им на том основании, что юрист, сделавший попытку приспособить Судебник 1550 г. к условиям общественной жизни Устьянских волостей, где жили государственные крестьяне, не видел оснований считать ст. 88 формально отмененной. Однако Б. Д. Греков не замечал, что уже сама возможность такой попытки указывает на то, что запрещение выхода не распространялось на этот район. Уставную грамоту Новинскому монастырю 1590 г. Б. Д. Греков предлагает рассматривать как плод несбывшихся надежд патриарха «на ближайшую отмену нового временного закона», а челобитье 1592 г. игумена Никольского Корельского монастыря — как «старомодную жалобу». Но вряд ли можно допустить, чтобы в вопросе о крестьянах, в котором кровно были заинтересованы феодалы, ими создавались «старомодные» уставные грамоты и жалобы, да еще по прошествии 10—12 лет с момента предполагаемого Б. Д. Грековым введения заповедных лет на всей территории страны. Напротив, практика показывает, что феодалы очень быстро реагировали на все изменения в законо-

Думается, однако, что они заслуживают более детального рассмотрения. К тому же в настоящее время круг их может быть расширен еще одним новым свидетельством источников.

Новое свидетельство имеется в документе, напечатанном М. А. Островской³⁴. 29 июня 1584 г. ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю была дана царская грамота, где нормы отказа были сформулированы следующим образом: «Да что до нея (М. А. Островская указывает, что следует читать «деи ся». — В. К.) от них отказывают крестьяне в мое государство, в города и в волости и в села, и яз, царь и великий князь велел тем жити в монастырских дворах и в селах после отказа две недели, а отжив две недели, и не поведутца вон, архимандрит велит того выметать безпенно по сей нашей грамоте царя и великого князя».

Три известия о выплате пожилого и отказах крестьян в Тульском и Новосильском уездах весной 1592 г. обнаружены в ЦГАДА.

В челобитной елецкого казака М. Подольного 1593 г., жившего до своего поступления в казаки в крестьянах в поместье кн. И. Д. Хворостинина в Новосильском уезде, на приказчика Б. Пущева говорится: «Деялося, государь, в прошлом в сотом году в великий пост за три недели до велика дни, отпустил, государь, тот Богдан меня на Елец в казаки... А в свое место яз на тягло посадил Лагутку Васильева сына Шубина, а на мне взял за пожилое сорок алтын»³⁵. Интересные подробности производства отказа содержатся в челобитье Докучая Елизарьева сына Петрова: «Жил есми в Тульском уезде за Третьяком за Федоровым сыном Карпова, и деялось, государь, в сотном году да велика дня за три недели, писался, государь, на Елец в козаки, а жил за ним на време, на обroke, и козачья голова Истома Михнав от мене отказную к таму Третьяку Карпову посылал, и он в те поры был на службе в немецком походе, и мать его, Ворвара, отказную принела и меня отпустила. И он, приехав с службы, мене за собою заехал да мои животы и статки разграбил, а мене отпустил душою и да телом»³⁶. Во время обыска, проводившегося в конце 1592 г. в Заостровском стане Тульского уезда, обыскные люди показали о крестьянине Путатине, вышедшем весной 1592 г.: «слухом слышали и явки у нас были, что он пошел на Елец от Василия от Онтонова с отказом и Василий Онтонов жену ево на двор сводил и в железа ковал и животы и статки пограбил»³⁷.

Не трудно видеть, что речь здесь идет о необычных выходах, которые происходили не в Юрьев день, а весной 1592 г., когда был объявлен царский указ о верстании в елецкие казаки³⁸. Крестьяне воспользовались этим указом, продиктованным соображениями охраны южных границ, для того, чтобы избежать крепостной неволи. При этом крестьянин М. Подольный сажает на свое место «на тягло» другого крестьянина и лишь тогда получает у приказчика «отпуск». Однако эти известия представляют несомненный интерес как свидетельства того, что помещики и крестьяне в данных случаях продолжали в какой-то мере руководствоваться ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе. М. Подольный выплачивает пожилое в размерах, близких к тем, которые установлены ст. 88 Судебника 1550 г. для степных местностей. В своем ответе относительно крестьянина Путатина обыскные люди достаточно четко подчеркивают законность выхода крестьянина с отказом, с одной стороны, и про-

дательстве по крестьянскому вопросу, стремились действовать в соответствии с новейшими постановлениями, чтобы надежнее оградить свои интересы.

³⁴ М. А. Островская. Новый документ к вопросу о крестьянском выходе во второй половине XVI в. «Известия СПб. Политехнического института. Отд. наук эконом. и юрид.», т. XIII, СПб., 1910, стр. 113—117.

³⁵ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1593, № 1, л. 8.

³⁶ Там же, л. 122.

³⁷ Там же, л. 155.

³⁸ Там же, лл. 14, 136 об. — 137.

извольность действий помещика, стремившегося любыми средствами помешать этому выходу — с другой.

О массовых выходах крестьян в вотчины духовных феодалов как реальном факте, причиняющем большие неприятности «воинским людям», говорится в приговоре церковного собора от 20 июля 1584 г. о временной отмене тарханов: «а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханами во лготе, и оттого великая тощета воинским людям прииде»³⁹.

Крестьяне в начале 80-х годов выходят из-за служилых людей, чтобы жить «за тарханами во лготе», отчего пустеют многие поместья и вотчины, отсюда следует, что надо отменить тарханы. Но, отменяя тарханы, приговор самой мотивировкой этого решения указывал на необходимость полного запрещения крестьянских выходов в будущем. Из него видно также, что прежде всего в запрещении крестьянского выхода были заинтересованы служилые люди, т. е. дворянство.

Итак, источниковедческая база, на которую можно было бы прочно опереться в суждениях о заповедных годах, крайне мала, показания источников скудны и отрывочны. В документах, ссылающихся на заповедные годы, мы не встречаем ни выдержек из закона о заповедных годах, ни ссылок на него типа «по государеву указу» и т. п., в них нет даже упоминаний о каком-либо указе, изданном по этому поводу, хотя какие-то правительственные распоряжения, возможно, и в форме указа или указов, безусловно, имели место. Все известия о заповедных годах, на основании которых можно судить о том, что представлял собой режим заповедных лет на начальной стадии своего развития, укладываются в хронологические рамки с 1581 по начало 1592 г., а территориально относятся к новгородской Деревской пятине, городу Торопцу, расположенной в Подвинье вотчине Никольского-Карельского монастыря. Косвенные свидетельства позволяют предполагать распространение режима заповедных лет на владения вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря и вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря, расположенные в центре. Относительно же южных уездов достоверных данных о запрещении там в 80-х годах крестьянских выходов в Юрьев день у нас нет. Кроме того, в ряде документов этого времени имеются прямые и косвенные ссылки на ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе.

В настоящее время нельзя определенно сказать, как были введены заповедные годы, был ли издан один указ 1581 г. или ряд указов, последовательно из года в год запрещающих выход на всей территории государства, или же запрещение выхода проводилось специальными на этот счет правительственными распоряжениями лишь для отдельных районов.

Исходя из сохранившихся фрагментарных сведений источников, можно с уверенностью утверждать лишь то, что введение правительством в том или ином районе заповедных лет означало временное запрещение здесь крестьянских переходов и вывозов крестьян на основании ст. 88 о крестьянском отказе Судебника 1550 г. Крепостническое законодательство о заповедных годах 80-х — начала 90-х годов XVI в. претворялось в жизнь путем организации государственного бессрочного сыска и возвращения беглых и вывезенных крестьян⁴⁰.

В документах о заповедных годах речь идет о крестьянах без выделения каких-либо особых категорий, например «новоприходцев», «старожильцев» и т. п. Но зато часты указания о выходе крестьян в заповед-

³⁹ СГГД, ч. I, № 202.

⁴⁰ Н. С. Чаев. Указ. соч.; Ср. с жалованной грамотой посадским людям г. Свяжска от 25 февраля 1586 г., свидетельствующей о том, что отмеченный Н. С. Чаевым сыск крестьян-закладчиков в северных монастырях в 1585 г. являлся частью широких правительственных мероприятий 80-х годов XVI в. по борьбе с закладничеством как средством избежания государственного тягла. «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III, М., 1897, стр. 228—229.

ные годы «с тяглых деревень»⁴¹, о их жизни за старыми помещиками в тягле, а у новых помещиков «в пустых деревнях, а не на тяглых землях»⁴². Эти факты наводят на мысль, что заповедные годы касались прежде всего тяглых крестьян и посадских тяглецов⁴³, и позволяют предположить, что на нетяглые элементы запрещение выхода не распространялось.

Воспроизведение ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе в Судебнике 1589 г., ссылки на нее в уставных грамотах ярославского Спасо-Преображенского монастыря 1584 г. и московского Новинского монастыря 1590 г., приговор церковного собора от 20 июля 1584 г. о временной отмене тарханов не дают возможности принять мнение Б. Д. Грекова о режиме заповедных лет в 80-х годах XVI в., как о правопорядке, действующем на всей территории государства.

Напротив, режим заповедных лет в 80-х годах XVI в. предстает нам из источников как еще не получивший полного завершения, находящийся в процессе развития и утверждения. Одновременные ссылки в источниках 80-х — начала 90-х годов на заповедные годы и на ст. 88 Судебника 1550 г. как будто бы говорят о том, что в одних районах России тогда выход был запрещен, а в других еще разрешался.

Исчезновение с определенного момента в документах, относящихся к различным районам, одновременных ссылок как на заповедные годы, так и на ст. 88 Судебника 1550 г.⁴⁴ наводит на мысль, что запрещение крестьянских выходов стало, в конце концов, общим явлением.

В обнаруженном нами в ЦГАДА деле 1595 — начала 1596 г. по челобитью игумена новгородского Пантелеймонова монастыря Андреяна об обелении части монастырской вотчины мы встречаем ссылки на закон царя Федора о запрещении выхода крестьянам и бобылям.

В своем челобитье, изложение которого дается в царской грамоте от 8 июля 1595 г., игумен Андреян указал, что, по царскому указу 80-х годов в Пантелеймонове монастыре жили «воеванные старцы» — монахи Воскресенского и Пятницкого монастырей, расположенных под Ямгородом, во главе со строителем Дософеем. В 1587 г. по челобитью Дософея им была дана за приписями новгородских дьяков Савы Фролова и Семейки Емельянова льготная грамота сроком на десять лет с условием: «А в те деи было льготные лета тому строителю Дософею з братьею на тех льготных пяти обжах [пашню] распахать, и двory поставить, и крестьян назвати»⁴⁵. После освобождения Ямгорода монахи Воскресенского и Пятницкого монастырей вернулись в свои монастыри, не выполнив, однако, взятых на себя по грамоте обязательств.

Челобитье игумена Андреяна было вызвано тем обстоятельством, что в 1597 г. подходил срок выхода земли из льготы, а она продолжала лежать «в пусе». В связи с этим была сделана ссылка на интересующий нас указ царя Федора. Прося о продлении льготы, игумен Андреян писал: «и им де тех льгот[ных] пяти беж крестьян навести немочно, потому что ныне по нашем указу (изложение челобитья, как сказано вы-

⁴¹ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 452.

⁴² ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, отказная книга № 776, л. 264; Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 453.

⁴³ «Чтения ОИДР», кн. II, 1902, стр. 359.

⁴⁴ Ссылки на ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе появляются лишь в 1601 и 1602 гг., когда указами Бориса Годунова был частично разрешен выход. Однако известий о заповедных годах в источниках мы для того же времени не находим. В грамоте Василия Шуйского казанскому Зилантову монастырю от 27 февраля 1608 г., подтвердившей грамоту Изана IV 1574 г., очевидно, под воздействием этих указов, вставлены слова о выходе в «незаповедные лета», отсутствовавшие в грамоте 1574 г. (см. Г. З. Кунцевич. Грамоты Казанского Зилантова монастыря, Казань, 1901, стр. 15; ср. АИ, т. I, № 191).

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42757, ч. IV, дело из 18 лл., л. 2 (в квадратных скобках здесь и в дальнейшем — утраченный текст, восстановленный по смыслу).

ше, дано в грамоте царя Федора от 8 июля 1595 г. — В. К.) крестьяном и бобылям в[ыхо]ду нет, а казны у них монастырской в том Пантелееве монастыре нет же, подмоги давати крестьяном нечем [же]»⁴⁶.

В деле встречаются еще две ссылки на этот указ. В грамоте от 25 июля 1595 г. за приписью дьяка Поместного приказа И. Нармацкого, привезенной игуменом Андреяном из Москвы к новгородскому воеводе кн. Д. А. Ногтеву, при изложении челобитья Андреяна сказано: «ныне по государеву указу крестьяном и бобылям выходу нет, казны деи у них монастырской в том Пантелееве монастыре нет же, подмоги давати крестьяном нечем»⁴⁷. Эта формулировка повторена далее в докладе по делу, составленному в Новгородской приказной избе⁴⁸.

Какое место занимает указ царя Федора о запрещении выхода в цепи ежегодных указов о заповедных годах, если таковые, конечно, действительно издавались? Являлся ли он одним из обычных, рядовых указов или мы здесь имеем дело с указом, отличавшимся в каких-то отношениях от предшествовавших ему правительственных распоряжений о введении заповедных лет?

Ряд фактов не позволяет видеть в этом законе царя Федора один из обычных указов о заповедных летах.

Во-первых, изложение его в деле 1595 — начала 1596 г. по форме отличается от изложения известий о заповедных годах в документах 80-х — начала 90-х годов: в нем отсутствует упоминание о заповедных годах. Не встречаемся мы со ссылками на заповедные годы и в последующем делопроизводстве о беглых и вывезенных крестьянах.

Во-вторых, интересующий нас закон запрещает выход не только крестьянам, но и бобылям, в то время как запрещение выхода в 80-х годах, судя по имеющимся материалам, распространялось лишь на тяглые элементы сельского населения.

В-третьих, в самом деле он рассматривается как определенная ступень в процессе запрещении выхода. Если в 80-х годах можно было «называть» крестьян и бобылей и без предоставления им подмоги, то в 1595 г. этого нельзя было делать — хозяйственно-самостоятельные крестьяне и бобыли правом выхода уже не пользовались⁴⁹. Именно в этом плане развивает свою аргументацию игумен Андреян, и она признается в Поместном приказе основательной, что находит выражение в решении дела в пользу монастыря.

Большое значение для понимания места в общем ходе крестьянского закрепощения в конце XVI в. примененного в деле 1595 — начала 1596 г. закона царя Федора о запрещении выхода имеет помещенная в начале Уложения 9 марта 1607 г. историческая справка бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе, где сказано, что «при царе Иване Васильевиче... крестьяне выход имели волный; а царь Федор Иванович, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42757, ч. IV, дело из 18 лл., л. 3.

⁴⁷ Там же, л. 8.

⁴⁸ Там же, л. 14.

⁴⁹ Феодальцы могли «называть» к себе новых крестьян и бобылей и в 90-х годах XVI в. и в первой половине XVII в., когда выход их был запрещен законом, но с одним условием — давая им подмогу, т. е. натуральную и денежную субсидию для обзаведения хозяйством на новом месте. Такие крестьяне и бобыли, иначе новопорядчики, вербовались из так называемых «вольных людей», основную массу которых составляли крестьяне, бобыли и холопы, тем или иным путем получившие отпускные у своих господ. Власти нижегородского Благовещенского монастыря в 1598 г. писали патриарху Иову о том, что «монастырь де их скуден, и впредь им монастырь и монастырских сел и деревень строити нечем, и ссуды крестьянам-новоприходцам, и служкам, и деловым людям жалованья давати нечем». Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ГБЛ), Собрание Беляева, рукописи, № 1621, лл. 345—347.

крестьянам приказал, и у кого koliko тогда крестьян где было, книги учинил, и после от того начались многие вражды, кромоны и тяжи (суды)»⁵⁰.

Если подходить к этому сообщению без созданных историографической традицией предубеждений, то из него следует, что введение при Иване IV заповедных лет не расценивалось тогда как общее запрещение крестьянского выхода во всей стране и официальная отмена ст. 88 Судебника 1550 г. Такой закон, сопровождавшийся к тому же учреждением писцовых книг основанием крестьянской крепости, согласно весьма авторитетному свидетельству руководителей Поместного приказа, был издан по инициативе Бориса Годунова во время царствования Федора Ивановича⁵¹.

Какой указ царя Федора имели в виду бояре и дьяки Поместного приказа, составляя свой доклад боярской думе? Исходили ли они из указа от 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных о беглых крестьянах или изложили содержание какого-то другого, не дошедшего до нас закона царя Федора?

Сравнение изложения содержания упоминаемого в исторической справке указа царя Федора с текстом указа 24 ноября 1597 г. не позволяет отождествить эти два закона. В указе от 24 ноября 1597 г. ничего не говорится о запрещении выхода. Он просто исходит из запрещения выхода как из факта, уже имевшего место в прошлом. Не находим в этом указе и постановления об учреждении книг юридическим основанием крестьянской крепости. В нем вообще отсутствует термин «книги».

Следовательно, бояре и дьяки Поместного приказа имели в виду какой-то несохранившийся закон царя Федора о запрещении выхода, который скорее всего можно видеть в указе, примененном в деле 1595 — начала 1596 г.

Полный текст указа царя Федора 90-х годов XVI в. о запрещении выхода крестьянам еще не разыскан в архивах. Но имеется ряд свидетельств источников, позволяющих судить о нем. Помимо изложения его содержания в докладе бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе, предпосланном Уложению 9 марта 1607 г., и в самом тексте Уложения, при составлении которого был использован опыт предшествующего законодательства по крестьянскому вопросу, а также кроме приведенной выше прямой ссылки на него в деле 1595 — начала 1596 г., по челобитью игумена новгородского Пантелеймонова монастыря Андреяна, о существовании данного указа свидетельствует текущее делопроизводство 90-х годов XVI в., и, наконец, указы 1597, 1601 и 1602 гг.

⁵⁰ И. И. Смирнов. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949, стр. 82 (в дальнейшем все ссылки на Уложение 9 марта 1607 г. приводятся по этому изданию).

⁵¹ Мнение В. Н. Татищева о лишении крестьян права выхода одним государственным законом основывалось также и на показаниях этого источника.

Для дворянско-буржуазной историографии XIX—XX вв. было характерно скептическое отношение к Уложению 9 марта 1607 г. (см. Н. М. Карамзин. Указ, соч., т. X, прим. 349; М. Н. Погодин. Указ, соч., стр. 120—121; В. О. Ключевский. Опыты и исследования, сб. I, стр. 234; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., М., 1937, прим. 115).

Советские историки много сделали для того, чтобы доказать достоверность Уложения 9 марта 1607 г. (см. С. Б. Веселовский. Указ, соч., стр. 205—206 и др.; Б. Д. Греков. Происхождение крепостного права в России. Сб. «Крепостная Россия», Л., 1930, стр. 78—84; Его же. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 350 и др.; Н. С. Чаев. Указ, соч., стр. 159—161; И. И. Смирнов. Указ, соч., стр. 72—81; Его же. Восстание Болотникова, стр. 421—422). Однако содержащаяся в Уложении 9 марта 1607 г. историческая справка хода закрепощения в конце XVI в. неизменно ставилась ими под сомнение, потому что она не согласовывалась с отстаиваемой ими концепцией о лишении крестьян права выхода в общегосударственном масштабе путем издания в 1581 г. указа о заповедных годах. Присущее работам С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, Н. С. Чаева и И. И. Смирнова противоречие между желанием доказать достоверность сообщаемых Уложением 9 марта 1607 г. сведений и отрицанием значения изложенной там исторической справки хода закрепощения в конце XVI в. является, на мой взгляд, одним из свидетельств неубедительности этой концепции.

Основываясь на этих источниках, попробуем, пусть приблизительно, восстановить содержание этого указа.

Изложение существа закона о запрещении крестьянского выхода дано в докладе бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе в 1607 г.

Обратим внимание прежде всего на то место изложения, где указывается на издание закона царем Федором «по наговору Бориса Годунова». При всей тенденциозности и враждебности доклада к Борису Годунову (дело происходило во время царствования Василия Шуйского) не исключена возможность, что это место содержит некоторую долю истины. В этом убеждает нас рассмотрение законодательства царя по другим вопросам. Так, например, в грамоте, присланной в Новгород из Поместного приказа 11 сентября 1593 г., было написано: «Пожаловал государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси по печалованью слуги своего и конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова детей боярских новгородцев Обонежские, Шелонские, Вотцкие, Деревские пятины» за военную службу в Иване-городе, отписав поместья у тех новгородских помещиков, которые сбежали оттуда или вовсе не явились на службу⁵². После 1596 г. царю было подано коллективное челобитие новгородских помещиков «всех пяти пятин», у которых отписывались поместья «по нетам»⁵³. Выступление новгородских помещиков с коллективным челобитием, заставило правительство удовлетворить их требования. В новом указе уже говорилось, что царь Федор «для печалования слуги своего и конюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова» новгородских нетчиков «псжаловал», оставив за ними старые их оклады⁵⁴.

Таким образом, инициатива Бориса Годунова отмечалась в законодательстве 90-х годов по частным вопросам. Могла она быть отмечена и во вступительной части указа о запрещении выхода крестьянам. Этому указу, по-видимому, также предшествовали коллективные челобитные со стороны помещиков, побудившие Бориса Годунова, как выразителя интересов дворянства, выступить инициатором издания закона вопреки мнению «старейших бояр».

Дело 1595 — начала 1596 г. по челобитью игумена Пантелеймонова монастыря Андреяна помогает уточнить вопрос, кому был запрещен выход. Здесь говорится о том, что по царскому указу выход был запрещен не только тяглым крестьянам, но и бобылям⁵⁵.

Закон царя Федора о запрещении выхода был мерой общегосударственной. Такой вывод неизбежно вытекает из рассмотрения доклада бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе. Здесь речь идет не о каком-либо отдельном районе России, а о всей стране. Лишнее доказательство распространения запрещения выхода по всей стране, вплоть до колонизируемых районов Сибири, находим в деле 1599 г. о переселении туда пашенных крестьян из Поволжья и некоторых северных уездов. В поручных, помещенных в нем, обычно говорится о том, что поехавшим «за государя... в Сибирь на пашню во крестьяне з женами и з детьми» «не сойти» (или «не збежати») «до государева указу»⁵⁶.

Обязательства переселяемых в Сибирь крестьян о невыходе оттуда до «государева указу» свидетельствуют о том, что в законе царя Федора, очевидно, была оговорена временность запрещения выхода и предусмотрена возможность его возобновления особым на этот счет правитель-

⁵² ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43282, л. 163.

⁵³ Там же, ст. № 43280, л. 145.

⁵⁴ Там же, лл. 154—155.

⁵⁵ Там же, ст. № 42757, ч. IV, дело из 18 лл., л. 3.

⁵⁶ Там же, ф. Верхотурская приказная изба, ст. № 144, ч. 1, лл. 37—40 и др.

ственным распоряжением⁵⁷. Правительство, запрещая выход, в то же время оставляло за собой право в государственных интересах разрешать выход в отдельных районах (как, например, в приведенном выше случае вербовки в 1599 г. крестьян в Поволжье и некоторых северных уездах для переселения в Сибирь) или во всей стране, как это было в 1601 и 1602 гг.

Что означает сообщение доклада бояр и дьяков Поместного приказа боярской думе о том, что царь Федор, запретив крестьянам выход, «у кого коликто тогда крестьян где было, книги учинил»? Какие положения указа здесь имеются в виду? О каких книгах идет речь?

Известие об учреждении царем Федором книг необходимо сравнить с имеющейся в тексте первого абзаца Уложения 9 марта 1607 г. ссылкой на «книги 101-го года».

В литературе высказывалось мнение о том, что в 1592-1593 г. была проведена общая перепись, в результате чего и появились «книги 101-го года»⁵⁸. Н. С. Чаев, напротив, полагал, что под «книгами 101-го года» следует подразумевать книги 1581—1592 гг.⁵⁹

Чтобы разобраться в этом вопросе, надо рассмотреть общий ход нового описания, предпринятого в 80—90-х годах XVI в. в обстановке тяжелого хозяйственного разорения северо-западных и центральных районов страны, вызванного особенно резким усилением феодального гнета во время опричнины и Ливонской войны⁶⁰.

С. Б. Веселовский в своем капитальном исследовании «Сошное письмо» показал полную несостоятельность мнения о проведении общей переписи 1592-1593 г.⁶¹

Число описаний в 80-х годах во много раз превышает число описаний 90-х годов, хотя, как известно, за 90-е годы сохранилось большее количество источников, чем за 80-е годы. В то время как за 80-е годы в источниках имеются сведения об описании 50 уездов (новгородские пятины принимаются мною за уезды.— В. К.), причем ряд из них описывается по-нескольку раз с целью проведения дозоров, в 90-е годы источники сообщают об описании всего восьми новых уездов по сравнению с описанием 80-х годов и дозоров шести уездов, описанных ранее, в 80-е годы⁶².

В 1592—1593 гг. происходило не усиление, а, наоборот, затухание деятельности по началу описаний новых уездов. В это время с общими описаниями мы почти не встречаемся, но зато возрастают частные описа-

⁵⁷ Старец Мисаил Безнин в своем наказе от 6 января 1595 г. не исключал возможности того, что «государь изволит крестьяном выходу быть» (см. Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры» (ГАИМК), вып. 72, М.—Л., 1934, Приложения, стр. 156. В порядных конца XVI — первой половины XVII в. (вплоть до Уложения 1649 г.) мы встречаемся с обязательствами крестьян «не сойти» (или «не сбежать»), «до государеву указу», или «из деревни до государевых выходных лет не выйти и не сбежать» (см. М. А. Дьяконов. Акты, вып. 1, Юрьев, 1895, № 25, 28, 31 и др.).

⁵⁸ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 135; Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 247.

⁵⁹ Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 160.

⁶⁰ Описание 80—90-х годов явилось третьим по счету большим описанием второй половины XVI в. См. общий перечень описаний XVI в. в кн.: П. Н. Миллюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, СПб., 1892, стр. 157—173; Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 157—158.

⁶¹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 180.

⁶² Подсчеты произведены на основании различных списков описаний, приведенных в следующих работах: П. Н. Миллюков. Указ. соч., стр. 168—173, М. А. Дьяконов. Рецензия на книгу П. Н. Миллюкова, ЖМНП, 1893, № 6, стр. 225—231; С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 1, М., 1902, стр. 201; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., М., 1937, стр. 6—35; Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 1, стр. 31—41, С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II стр. 571—643; Обзор документов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв., сост. В. Н. Шумилов, М., 1954, стр. 18—19, 173—179. Кроме того, были привлечены некоторые новые данные из столбцов ф. Поместного приказа, хранящегося в ЦГАДА, ст. № 24692 по г. Кромам; ст. № 33769 по г. Владимиру, ст. № 21067 по г. Нижнему-Новгороду; ст. № 22016 по г. Переяславль-Залесскому.

ния, из которых наиболее крупным является описание вотчин Троице-Сергиева монастыря в 1592—1594 гг.⁶³.

В то же время в 1592—1593 гг. описание всей страны еще не закончилось. В 1594—1598 гг. продолжается описание ряда уездов, не описанных в 1581—1593 гг.⁶⁴.

В основу хозяйственной, административной и судебной деятельности в конце XVI — начале XVII в. были положены новые писцовые книги 80—90-х годов.

Обращаясь к делопроизводству о вывезенных и беглых крестьянах 90-х годов XVI — начала XVII в., мы не находим ни одной ссылки на книги 1592-1593 г. Но зато там есть ссылки на писцовые книги 80-х годов XVI в. Так, в приговоре от 20 марта 1595 г. по делу между помещиком Обонежской пятины И. Барановым и властями Лисицкого монастыря о владении крестьянами новгородский воевода князь Д. А. Ногтев в обоснование своего решения ссылается на писцовые книги Андрея Плещеева 1582-1583 г.⁶⁵.

Но если не было общего описания 1592-1593 г. и описание, начатое в 1581 г., не закончилось в 1592-1593 г., то откуда же могла появиться в Уложении 9 марта 1607 г. точная ссылка на «книги 101-го года»?

Думается, что ответ надо искать в издании около 1592-1593 г. указа о запрещении по всей стране крестьянского выхода, объявившего писцовые книги нового общего описания 80—90-х годов XVI в. основанием крестьянской крепости. Составители Уложения 9 марта 1607 г. называли новые писцовые книги 80—90-х годов «книгами 101-го года» по времени издания этого указа⁶⁶.

Издание общего закона о прикреплении крестьян должно было быть подготовлено предшествующим общим описанием хотя бы основных районов государства, для которых были характерны массовые перемещения в среде непосредственных производителей в связи с опричниной и хозяйственным разорением 70—80-х годов XVI в. Иными словами, нельзя было издать такой закон, не зная, кого и где он прикрепляет.

Начиная с 1581 г. новое описание, правительство одновременно проводило в подвергаемых переписи районах запрещение крестьянского выхода в форме введения здесь заповедных лет, стремясь таким путем удовлетворить интересы дворянства в обеспечении его рабочими руками и создать благоприятные условия для наиболее точного учета крестьянского населения в новых писцовых книгах⁶⁷.

⁶³ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 6; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 183. Весьма возможно, что общее описание вотчин Троице-Сергиева монастыря в 1592—1594 гг. было произведено в связи с имевшей тогда место попыткой правительства Бориса Годунова произвести секуляризацию части монастырских земель. См. С. В. Рождественский. Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в., ЖМНП, 1895, № 5, стр. 70—83.

⁶⁴ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 184. На это же указывает А. А. Зимин (см. ПРП, вып. IV, стр. 564).

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42754, ч. I, дело из 37 л., л. 37; см. там же, ст. № 42744, ч. III, дело из 23 л., лл. 22—23, С. Б. Веселовский. Арамасские поместные акты, М., 1916, стр. 652; АИ, т. II, СПб., 1841, № 77.

⁶⁶ В пользу издания в 1592-1593 г. закона о запрещении крестьянского выхода может свидетельствовать также факт издания в марте 1593 г. указа о холопах. Известно, что законодательство о крестьянах и холопах в конце XVI — начале XVII в. осуществлялось в общем одновременно.

⁶⁷ Исследователями отмечен факт хронологического совпадения первых упоминаний о заповедных годах с началом описания в 1581—1582 г. района Новгорода (см. Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 46—47; Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 162). На то, что введение заповедных годов имело целью «составление точной переписи крестьянского народонаселения», указал в общей форме еще Д. Я. Самоквасов (См. Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, стр. 47). В советское время наиболее отчетливо вопрос о необходимости изучения заповедных лет в связи с проведением общего описания 80-х годов был поставлен Н. С. Чаевым (Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 157—162).

Но если введение заповедных лет способствовало успешному проведению описания, то и режим заповедных лет по мере осуществления описания все более укреплялся, потому что под запрещение выхода подводилось юридическое основание в виде новых писцовых книг. Тем самым создавались необходимые условия для издания общегосударственного закона о запрещении выхода, обобщившего практику заповедных лет и объявившего писцовые книги нового описания 80—90-х годов XVI в. юридическим основанием крестьянской крепости.

Обращение к материалам текущего делопроизводства 90-х годов XVI — начала XVII в. о беглых и вывезенных крестьянах показывает, что при решении дел в это время последовательно проводится принцип крепости по новым писцовым книгам, выписи из которых являются основным документальным свидетельством по удостоверению владельческих прав на крестьян.

На запись крестьян в писцовые книги ссылались помещики, подавая челобитные о беглых и вывезенных крестьянах, о неправильных отделах крестьян. В 1594 г. новгородский помещик И. Баранов жаловался на отдельщика А. Фомина в том, что тот «отделил норовя Лисью монастырю его Ивановых лутчих крестьян, которые за ним, за Иваном написаны в писцовых книгах»⁶⁸.

Правительственные органы в своих решениях также руководствовались записью крестьян в писцовые книги. Этот принцип, например, положен в основу приговора от 20 марта 1595 г. новгородского воеводы Д. А. Ногтева по тяжбе о владении крестьянами между И. Барановым и властями Лисицкого монастыря: «теми крестьяны, которые в писцовых книгах Андрея Плещеева за Иваном за Барановым... велели владети по писцовым книгам Ивану Баранову, а которых крестьян в том же сельце в Великом поле в писцовых книгах Ондreja Плещеева за Иваном за Барановым не написано... велели владети Лиситцкого монастыря игумену Ивану з братьею»⁶⁹. Со временем предписания отдавать крестьян старым их владельцам по новым писцовым книгам стали включаться в жалованные грамоты⁷⁰.

Таким образом, делопроизводство 90-х годов XVI в. руководствовалось правилом возвращения крестьян старым владельцам на основании записи этих крестьян за ними в новых писцовых книгах. С этим правилом мы встречаемся в первом абзаце Уложения 9 марта 1607 г.: «и тех крестьян (беглых и вывезенных.— В. К.) отдавати по тем книгам («101-го года». — В. К.) с женами и детьми и со всеми их животы, тем, за кем они писаны». Однако проведенный выше анализ делопроизводства 90-х годов XVI в. наводит на мысль, что это правило законодательным путем могло быть сформулировано уже в 90-х годах XVI в.

Провозглашая принцип крестьянской крепости по писцовым книгам нового общего описания, правительство при проведении его в жизнь в конкретной обстановке 90-х годов сталкивалось с большими трудностями.

В 80-х годах, когда было проведено описание основных районов

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42754, ч. 1, дело из 37 лл., л. 18; также С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, стр. 652.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42754, ч. 1, дело из 37 лл., л. 37. В челобитье 1596 г. помещика Шелонской пятины Г. Косицкого по поводу неправильной записи за ним «в тягле» отдельщиком Ф. Головиным беглого крестьянина помещика Пусторжевского уезда П. Шестунова сказано: «И ныне, государь, тот Петр на Москве бил челом государю на меня о том крестьянине и сыскав, государь, по книгам того крестьянина у меня отняв, да отдал Петру Шестунову» (Там же, ст. № 42757, ч. II, дело из 7 лл., л. 1).

⁷⁰ АИ, т. II, № 77 (1608 г.).

страны, большинство земель в центральных и северо-западных уездах лежало «в пуге»⁷¹.

В 90-х годах к моменту издания указа о запрещении выхода положение изменилось. Наметилась тенденция к изживанию последствий тяжелого хозяйственного разорения⁷².

По мере восстановления феодального хозяйства обнаружилось расхождение между данными новых писцовых книг, составленных в основном в 80-х годах, и действительным положением вещей в поместьях и вотчинах в 90-х годах XVI в. Дело в том, что многие крестьяне и бобылы призывались феодалами уже после проведения описания и вследствие этого не могли попасть в писцовые книги⁷³. Положение осложнялось массовым бегством крестьян, протестовавших таким путем против закрепостительной политики правительства и феодальной эксплуатации, а также борьбой внутри самого господствующего класса за рабочие руки, которая выражалась в насильственном завладении крестьянами и в вывозе крестьян феодалами друг у друга.

Есть факты, свидетельствующие о том, что указанное расхождение не ускользнуло от внимания правительственных органов. В сентябре 1593 г. новгородский воевода князь П. С. Лобанов-Ростовский и дьяк С. Емельянов производили расспросы детей боярских, мотивируя необходимость такой меры тем, что «за многими детьми боярскими живущего и крестьян много, а в писцовых и платежных книгах живущего и крестьян написано за ними мало, а за иными детьми боярскими живущего и крестьян в писцовых и платежных книгах не написано, а живущее и крестьяне за ними есть»⁷⁴.

Правительство, запрещая крестьянам выход, не могло не учитывать создавшейся обстановки. Разбор делопроизводства 90-х годов XVI в. позволяет сделать в этом отношении ряд интересных наблюдений. С начала 90-х годов сохранились дела по челобитным, содержащим просьбы феодалов записать за ними в отдельные книги или во ввозные грамоты крестьян, не попавших по тем или иным причинам в писцовые книги. Так, помещик Деревской пятины Н. Масленицкий и его племянник С. Масленицкий просили в 1595 г. написать во ввозную грамоту призванных бобылей, которые не были записаны за ними в книгах⁷⁵.

Помещики и вотчинники, производя в 90-х годах XVI в. переделы и переводы крестьян из одних дворов в другие, официально регистрируют

⁷¹ См. Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в., Киев, 1915, стр. 52—54; И. И. Лаппо. Тверской уезд в XVI в., М., 1893, табл. В на стр. 204—205; Е. Д. Сташевский. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в., Киев, 1907, стр. 26—27.

⁷² Б. Д. Греков. Указ, соч., кн. 2, стр. 252—253; Ю. В. Готье. Указ, соч., стр. 139; И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 68; см. также К. Н. Шепетов. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 101—106.

⁷³ В 1583 г. писец А. В. Плещеев отделил помещику А. Бухарину пугое поместье. К 1594 г. А. Бухарин «собрал и посадил в те дворы» «старинных своих крестьян», которые некогда жили там, «а иных крестьян призвал с Устюжны и с Белоозера, и с Пошехонья, и подмогу им подавал, займывая хлеб и животину, лошади и коровы» (ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43278, лл. 124, 130, см. также, -т. № 43281, л. 60; ст. № 42753, ч. 1, дело из 20 лл., л. 1; Д. Я. Самосквасов. Указ, соч., т. II, стр. 446; РИБ, т. XXII, кн. 2, СПб., 1908, стб. 229—230).

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43278, л. 127.

⁷⁵ Там же, ст. № 43279, л. 223. С аналогичными просьбами обращаются в 1594 г. помещик Обонежской пятины Н. Третьяков и в 1601 г. игумен Вышеостровского монастыря Иоасаф (Там же, ст. № 42753, ч. 1, дело из 20 лл., л. 1 и ст. № 43289, л. 1). В 90-х годах XVI в. и в начале XVII в. крестьяне и бобылы записываются в поместные и вотчинные ввозные грамоты, как правило, по именам (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, г. Псков, ст. № 43295, лл. 174—178; ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42763, л. 7; ст. № 43281, л. 191; ст. № 42753, ч. III, дело из 7 лл., 5—7; ст. № 43282, лл. 216—217; ф. ГКЭ, № 14472 по Шацкому уезду и мн. др.).

эти перемены в правительственных документах⁷⁶. Они зорко следят за тем, чтобы записи крестьян и бобылей за ними в отдельные книги производились правильно. В 1594 г. помещик Обонежской пятины Я. Вындомский бил челом на подьячих Н. Гоголяева и И. Володимерова, которые «в отдельные книги за ним написали бобыля одного Ваську Инильтева, а иных бобылей не писали, норовя Ивану Качалову». В 1595 г. помещик Вотской пятины Л. Уваров жаловался на отдельщика губного старосту Б. Желтухина, что тот «ему... написал в крестьяне человека его Гришку с сыном». Помещик Деревской пятины Н. Нормачский просил в 1600 г. записать за ним крестьян в отдельные книги, «чтоб недруги, вклепався в прямые его крестьяне, у него не отняли»⁷⁷.

Правительственные органы, производя расследования по делам о беглых и вывезенных крестьянах, в тех случаях, когда крестьяне по каким-либо причинам оказывались не записанными в писцовых книгах, обращаются к отдельным, отписным книгам и другим официальным документам. Так, в 1595 г. новгородский воевода князь Д. А. Ногтев в связи с делом о беглых крестьянах помещика Деревской пятины Б. Языкова предложил «тех крестьян сыскать в писцовых и в отписных, и в отдельных книгах за кем те крестьяне написаны». В деле 1594 г. была произведена справка с ввозной грамотой 1593 г.: «а крестьян и бобылей за Микитою за Третьяковым по ввозной грамоте не написано»⁷⁸.

Изложенные факты говорят о том, что крестьяне, не попавшие по каким-либо причинам в писцовые книги предшествующего описания, в 90-х годах XVI в. записывались в отдельные книги, ввозные грамоты и другие официальные документы. Таким путем оформлялись и получали государственную санкцию права феодалов на этих крестьян. Поэтому выражение доклада об учреждении царем Федором книг: «у кого колико тогда крестьян где было книги учинил» — может быть истолковано не только как объявление писцовых книг нового описания основанием крестьянской крепости, но и как провозглашение общего принципа обязательной регистрации крестьян в официальных документах, основными из которых были объявлены писцовые книги 80—90-х годов XVI в. Правительство, запрещая выходы, учреждая писцовые книги основанием крепости, должно было позаботиться и о средствах укрепления тех крестьян, которые оказались или могли оказаться в будущем по тем или иным причинам не записанными в них⁷⁹.

С требованием регистрации крестьян в правительственных документах мы встречаемся в первом абзаце Уложения 9 марта 1607 г. Подтверждая

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42757, ч. III, дело из 16 лл., лл. 1—16; Там же, ст. № 42753, ч. I, дело из 18 лл., л. 12.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42756, ч. II, дело из 9 лл., л. 1; ст. № 42756, ч. I, дело из 6 лл., л. 2; ст. № 43287, л. 19.

⁷⁸ Там же, ст. № 42744, ч. III, дело из 23 лл., лл. 22—23; ст. № 42753, ч. I, дело из 20 лл., л. 6. Помещик Вотской пятины И. Самарин в 1599 г. обвинил помещицу той же пятины А. Кобылину в том, что она, стремясь завладеть крестьянами, мешает ему оформить на них владельческие права: «Им, государь, велит избегати до оделу» (ст. № 43289, лл. 198—199). Закрепляющее значение записи в отдельные книги выступает ярко и из группы документов, относящихся к 1598 г., об отделе поместий патриаршим детям боярским в селе Старый Двор, послуживших И. И. Смирнову материалом для специальной статьи. (См. И. И. Смирнов. Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI в. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 32, серия историч. наук, вып. 2, Л., 1939).

⁷⁹ Возможно, что при этом был установлен какой-то определенный срок в подаче челобитных для оформления владельческих прав на крестьян, не записанных по каким-либо причинам в официальных документах. 23 июля 1600 г. помещику Деревской пятины Н. Нармацкому было отказано в записи за ним крестьян во ввозную грамоту на том основании, что он не бил челом по этому вопросу семь лет: «А что Микифор бил челом государю, чтоб его государь пожаловал, велел ему, Микифору, во ввозную грамоту его крестьян написать, которые его крестьяне живут в том его Микифорове поместьи, а в отдельных книгах те крестьяне не написаны, приговорили отказати, потому что он, Микифор, о тех крестьянах со ста первого году по 108-й год государю не бил челом». — ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43287, лл. 15, 19—20.

принцип крепости крестьян по писцовым книгам «101-го году», Уложение предписывает в случае неподачи челобитья в установленный срок крестьян «не отдавати, а написати их в книги за тем, за кем они ныне живут».

Выражение «написать их (крестьян. — В. К.) в книги за тем, за кем они ныне живут», означает не что иное, как требование регистрации крестьян в официальных документах — писцовых книгах, отдельных книгах, ввозных грамотах и т. д. Такое требование могло быть сформулировано законодательным путем уже в 90-х годах XVI в. Во всяком случае, относительно кабальных холопов оно сформулировано в указах от 1 июня 1586 г. и 1 февраля 1597 г., провозгласивших обязательную регистрацию холопов в специально учрежденных для этого государственных кабальных книгах⁸⁰. Государство, объявляя принцип обязательной регистрации крестьян и холопов в официальных документах, брало на себя функцию охраны интересов всего господствующего класса в целом, В этом факте нашло яркое выражение юридическое оформление крепостничества в России конца XVI в. в общегосударственном масштабе.

Наши представления о законодательстве по крестьянскому вопросу в 90-х годах XVI в. серьезно пополняются обнаруженными в делах этого времени ссылками на не известный до сих пор историкам закон о подаче исковых челобитных по вопросам владения крестьянами и вывоза крестьян в пятилетний срок.

5 июня 1594 г. помещик Обонежской пятины П. Арцыбашев подал в Новгородскую приказную избу челобитную, в которой обвинял другого помещика той же пятины А. Бухарина в свозе из общей деревни Телицино Раменье, расположенной в Никольском погосте Обонежской пятины, в свои деревни крестьян и бобылей П. Рябова и др. П. Арцыбашев указывал в челобитье, что этих крестьян и бобылей А. Бухарин «у твоего государя писца утаил и владеет... один»⁸¹.

П. Арцыбашев просил о переделе как еще живущих в момент подачи челобитной в д. Телицино Раменье крестьян и бобылей, так и тех крестьян и бобылей, которые были вывезены оттуда А. Бухариным.

В результате возникло дело, в ходе которого были сделаны ссылки на закон о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе. В своем ответном челобитье А. Бухарин по-другому излагал суть дела, указывая на то, что его доля в деревне Телицино Раменье была дана ему писцом А. В. Плещеевым в 1583 г. пустою, и он назвал крестьян и бобылей уже после на подмогу⁸². Сообщив о том, что П. Арцыбашеву были даны пустоши, на которых «те... мои крестьянишка и бобылишка... не живали и топерво не живут», А. Бухарин, в заключение обоснования своих прав на крестьян и бобылей сослался на недавно изданный закон о пятилетней исковой давности в крестьянском владении и вывозе: «А ныне твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сыскивати. А яз, холоп твой, теми крестьянишками и бобылишками владею одиннатцать лет, а иными десять, а иными девять»⁸³. Произведенные в ходе дела справки с писцовыми книгами Обонежской пятины А. Плещеева 1582-1583 г. показали, что А. Бухарин сообщал подлинные факты, когда говорил о том, что Никольский погост в момент описания был пуст⁸⁴. То же самое показали в расспросе помещики Обонежской пятины С. Молеванов и др.⁸⁵.

Конец дела не сохранился, но решение нетрудно предугадать, судя по помещенному в докладе изложению царской грамоты, присланной в Нов-

⁸⁰ ПРП, вып. IV, стр. 372—373.

⁸¹ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43278, л. 123.

⁸² Там же, л. 124.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, л. 125—126.

⁸⁵ Там же, л. 128.

город из Поместного приказа 3 мая 1594 г.: «А в государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте, которая государева грамота прислана в Новгород к воеводе к князю Данилу Ондреевичу Нохтеву да к дьяку к Дмитрею Олябьеву по челобитью Степана Третькова сына Молеванова в нынешнем 102 году мая в 3 день за приписью дьяка Ондreja Щелкалова написано: Будет в Степанове челобитье Зиновьева написано, что ищет крестьян Остратка Иванова с товарищи на Степане на Молеванове за десять лет, и тем крестьяном велено жити за Степаном за Молевановым по-прежнему, а Степану Зиновьеву в тех крестьянх велено отказати, да и вперед бы всяким челобитчикам в крестьянском владенье и в вывозе давати суд и управу за пять лет, а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати по таким челобитьям»⁸⁶.

С указом о пятилетнем сроке в исках о крестьянском владенье и вывозе мы встречаемся также и в деле о владении крестьянами между помещиком Обонежской пятины И. Барановым и властями Лисицкого монастыря, возникшем в 1593—1595 гг.

В царской грамоте из Поместного приказа от 18 июля 1594 г. спорных крестьян предписывалось отобрать у игумена Лисицкого монастыря Ивана и отдать И. Баранову, потому что «по государеву указу велено в крестьянском владенье давати суд и крестьян велено отдавати назад всево за пять лет, а те крестьяне за Иваном за Барановым живут двенадцать лет»⁸⁷.

В приговоре от 29 июля 1594 г. новгородского воеводы князя Д. А. Ногтева приведена та же мотивировка: «по государеву указу велено в крестьянском владенье давати суд и крестьян отдавати назад за пять лет, а за кем крестьяне живут больши пяти лет и тех крестьян назад не давати, а за Иваном за Барановым те крестьяне живут двенадцать лет»⁸⁸.

Из приведенных материалов следует, что, согласно этому указу, челобитье должно было быть подано в пятилетний срок со дня вывоза крестьянина, если этого не было сделано, то иски по таким челобитным не принимались и дела не возбуждались.

Указание на то, что «да и вперед» следует поступать по этому закону, не оставляет сомнения в том, что он был рассчитан и на будущее. В своей основе он был включен в Уложение от 9 марта 1607 г., которое лишь удлинило срок подачи челобитных до 15 лет: «и впредь за пятнадцать лет о крестьянх суда не давати и крестьян не вывозити (не возвращать)». Эти последние заключительные слова первого абзаца Уложения 9 марта 1607 г. наводят на мысль даже об его известном текстологическом заимствовании из законодательства 90-х годов XVI в.

Закон о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и в вывозе имел и другое значение в том смысле, что крестьяне, прожившие пять лет у какого-нибудь помещика, становились его крепостными и по его челобитью записывались за ним в официальные документы: отдельные и отказные книги, ввозные грамоты и т. д. Только так можно расценивать категорическое предписание этого закона «крестьян назад не давати» «за кем крестьяне живут больши пяти лет». Об этом свидетельствует решение дела в пользу С. Молеванова, у которого спорный крестьянин прожил десять лет⁸⁹.

В одном из дел встречаемся со случаем применения правила о пятилетней давности в исках по отношению к крестьянину, записанному в писцовые книги. В грамоте из Поместного приказа от 18 июля 1594 г. за приписью дьяка Василия Щелкалова по делу между помещиком Обонеж-

⁸⁶ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43278, лл. 130—131. В архивной нумерации документа путаница: по смыслу л. 131 должен предшествовать л. 130.

⁸⁷ Там же, ст. № 42754, ч. 1, дело из 37 л., л. 27.

⁸⁸ Там же, л. 28.

⁸⁹ Там же, ст. № 43278, лл. 130—131.

ской пятины И. Барановым и властями Лисицкого монастыря содержалось предписание отдать И. Баранову крестьян «Онашка Яковлева с товарищи», потому что они прожили за ним двенадцать лет, причем было указано: «а се в отписных книгах те крестьяне написаны имянно, по которым отписным книгам то селцо Великое поле дано в поместье Ивану Баранову»⁹⁰.

Сравнение этого приговора с помещенной в деле выписью из писцовых книг показывает, что крестьянин А. Яковлев был записан за помещиком И. Барановым в новых писцовых книгах 1582-1583 г.: «А в новых писцовых книгах Ондreja Плещеева с товарищи 91-го году написано: в Обо-нежской пятине в Волотовском погосте за Иваном за Ратмановым сыном Баранова... деревня Великое поле, а в ней двор помещиков, во дворе Онанья Яковлев, во дворе Микитка Иванов» и т. д.⁹¹

Таким образом, правило о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных применялось и к крестьянам, записанным в новых писцовых книгах.

Рассмотрение дальнейшего хода дела показывает, что на определенном его этапе возобладал принцип крепости по записи в писцовые книги. 20 марта 1595 г. новгородский воевода князь Д. А. Ногтев предложил владеть крестьянами, записанными в писцовые книги А. Плещеева 1582-1583 г., И. Баранову, а крестьянами, не записанными в них, — игумену Лисицкого монастыря⁹². И. Баранов не пожелал смириться с таким приговором и обратился в Москву с новым челобитьем, ответом на которое была трамота от 25 июня 1595 г., предлагавшая «сыскать отписными книгами» о крестьянах, проживших у И. Баранова 12 лет⁹³.

К сожалению, дело это сохранилось в отрывках, и мы не знаем, чем оно кончилось. Однако уже из приведенных строк видно, что в середине 90-х годов XVI в. владельческие права на крестьян удостоверялись не только выписями из писцовых, отписных, отдельных и других правительственных книг, среди которых первенствующее значение имели писцовые книги последнего общего описания, но и постановлением о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе. Удостоверение владельческих прав по писцовым книгам было освящено многолетней традицией, закрепленной теперь законодательным путем, а закон о пятилетнем сроке в подаче исков о крестьянах являлся «новым порядком». Очевидно, предпочтение при решении дел отдавалось записям в писцовые книги последнего описания, а к пятилетнему сроку подачи исковых челобитных обращались тогда, когда не доставало этих свидетельств. Отсюда следует, что закон о пятилетней давности носил вспомогательный характер и был призван способствовать юридическому оформлению владельческих прав на крестьян.

В каком отношении закон о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе находился к закону царя Федора о запрещении выхода и установлении писцовых книг основанием крепости? Являлся ли он самостоятельным, специально изданным указом или входил составной частью в общий указ царя Федора о запрещении выхода?

Окончательный ответ на этот вопрос сейчас вряд ли возможен, потому что установить прямую связь между этими законами не удастся. Ссылки на закон о запрещении выхода приведены в деле об обелении монастырской пашни, а на закон о пятилетнем сроке исковой давности ссылаются в спорных делах о крестьянах. В нашем распоряжении нет материалов, в которых эти ссылки выступали бы одновременно в одном документе. Поэтому вопрос требует дальнейшего изучения и уточнения. Однако имеются основания видеть здесь скорее одно из постановлений общего закона

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42754, ч. 1, дело из 37 лл., л. 27.

⁹¹ Там же, л. 8.

⁹² Там же, лл. 36—37.

⁹³ Там же, лл. 1—3.

царя Федора о запрещении выхода, чем самостоятельный указ. Во-первых, необходимо отметить хронологическое совпадение ссылок на тот и другой указы (они сделаны в пределах 1594—1596 гг.), причем эти указы рассматриваются как новые постановления: «Ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет», «а ныне твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сысковати»; во-вторых, учитывая особенность кодификационной работы того времени, носившей консервативный и довольно механический характер, весьма знаменательным является то, что первый абзац, открывающий Уложение 9 марта 1607 г., исходит как из принципов запрещения выхода и учреждения книг основанием крепости, так и из постановления об определенном сроке в подаче исковых челобитных в делах о владении крестьянами, в то время как указ от 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных о беглых крестьянах, представляющий распространение предыдущего постановления на беглых, использован в Уложении спустя четыре абзаца. Заметим здесь же, что в дальнейшем в указах царя Михаила Федоровича постановления о сроках сыска беглых и вывезенных крестьян приводятся уже вместе в одних и тех же абзацах⁹⁴.

Если наше предположение относительно установления пятилетнего срока подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе правильно, то можно уточнить содержание закона о запрещении выхода крестьянам и бобылям.

Его возможное содержание сводится к следующему:

1. Указ запрещал выход крестьянам и бобылям на всей территории России.

2. Юридическим основанием крестьянской крепости была объявлена запись в правительственные книги (писцовые, отказные, отдельные, книги ввозных грамст и т. д.), главными из которых считались писцовые книги нового описания 80—90-х годов XVI в.

3. Указ провозгласил принцип обязательной регистрации крестьян в правительственных документах.

4. Был установлен пятилетний срок подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, получивший впоследствии, в первой половине XVI в., название «урочных лет». В то же время закон не касался беглых крестьян, молчаливо предполагая сохранение в отношении их бессрочного сыска.

Таким образом, рассматриваемый указ царя Федора о запрещении крестьянского выхода, видимо, представлял собой настоящее уложение, регулирующее различные стороны взаимоотношений крестьян и феодалов, обобщающее и развивающее в новых условиях предшествующее законодательство по крестьянскому вопросу.

Реконструировав, насколько это возможно в настоящее время, законодательство 90-х годов XVI в. о крестьянах, обратимся к выяснению вопросов о том, чьим интересам оно служило и какие цели преследовало.

Издание закона царя Федора о запрещении крестьянского выхода было обусловлено всем ходом социально-экономического и политического развития России XV—XVI вв. Распространение и укрепление поместного землевладения и барщинной системы хозяйства неизбежно влекло за собой усиление внеэкономического принуждения.

Этот закон явился важным этапом в процессе крестьянского закрепощения, шедшем в нашей стране с IX в. Он оформил в основных чертах крепостное право в России в общегосударственном масштабе. Отмена

⁹⁴ Ср. АИ, т. III, СПб., 1841, № 92, XXXIII: «вывозных крестьян отдавати за пятнадцать лет, а беглых крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати... за десять лет» (1642 г.).

права крестьянского выхода, практиковавшаяся со второй половины XV в. путем выдачи отдельных жалованных грамот тем или иным феодалам⁹⁵, а затем в 80-х годах XVI в. принявшая форму введения заповедных лет, с его изданием получила, наконец, свое общегосударственное завершение. С изданием этого закона режим заповедных лет был распространен на будущее время.

Но говоря об общих причинах издания закона, мы не можем абстрагироваться от конкретной обстановки 90-х годов XVI в.

Главная тенденция этого времени заключалась в стремлении господствующего класса феодалов и его государства преодолеть тяжелые последствия разорения 70—80-х годов на основе дальнейшего укрепления барщинного хозяйства и за счет усиления эксплуатации крестьянства.

В этой связи следует остановиться на одном из указов начала 90-х годов, к сожалению, еще не привлечшем к себе внимания историков, занимавшихся изучением истории закрепощения крестьян в России в конце XVI в.

Имеется в виду изданный около 1591 г. указ об обелении части собственной запашки помещиков и вотчинников⁹⁶.

Обеляя, хотя и в ограниченных размерах, собственную запашку помещиков и вотчинников, правительство тем самым поощряло их к ее дальнейшему расширению. Изданием же закона о запрещении крестьянам и бобылям выхода правительство стремилось обеспечить помещичье хозяйство рабочими руками. Крестьянское хозяйство приносилось в жертву помещичьим интересам⁹⁷. На него не только перекладывались все тяготы обложения, но оно должно было еще и обеспечивать рабочими руками барскую запашку. То обстоятельство, что запрещение выхода касалось и бобылей, наглядно демонстрирует заинтересованность правительства в расширении барского хозяйства. Этот факт лишний раз убеждает нас в научной негостоятельности, имевшей место в старой историографии концепции закрепощения крестьян лишь в интересах тягла, и подтверждает мысль Маркса о том, что крепостничество, как правило, вырастало из барщины⁹⁸.

Запрещая выход во всем государстве и объявляя принцип обязательной регистрации всех крестьян в официальных документах, правительство не чувствовало в себе достаточных сил, чтобы организовать в новых условиях бессрочный сыск по делам о крестьянах.

Поэтому оно создало некоторую отдушину, включив в закон постановление о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе. Вынужденность этой меры, призванной прежде всего смягчить противоречия внутри самого господствующего класса, подчеркивается уже фактом сохранения бессрочного сыска по делам о беглых

⁹⁵ В середине XV в. жалованными грамотами великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю было предоставлено право не выпускать своих крестьян из села Присек в Бежецком Верху и из своих угличских владений — Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ), т. I, М., 1952, № 264—265, стр. 192. Ограничения права перехода тяглых крестьян известны с XIV в. (ААЭ, т. I, № 4). Указания на грамоты такого рода XV—XVI вв. приведены у Д. Я. Самоквасова (См. Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. II, отд. 1, стр. 7, прим. 2) и у М. А. Дьяконова (М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.), СПб., 1898, стр. 8, прим. 2).

⁹⁶ Содержание его выяснено Н. А. Рожковым на основании материалов дозорной книги Бежецкой пятины 1593—1594 г. (см. Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М., 1899, стр. 266—269). Выводы Н. А. Рожкова подтверждаются земельными делами 90-х годов XVI в. Помещики Деревской пятины Матвей и Федор Невзоровы писали в 1596 г. в своем челобитье на имя царя Федора: «А по твоему государеву [указу] с усадишских пашон твоих всяких податей имати не велено, а велено имать с крестьянских пашен». ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 42757, ч. III, дело из 16 лл., л. 2; см. также, ст. № 43279, л. 100.

⁹⁷ Изданию закона предшествовали коллективные дворянские челобитные (см. РИБ, т. XXII, кн. 2, стб. 283—284).

⁹⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1955, стр. 242.

крестьянах. Включая в закон о запрещении выхода пункт о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, правительство шло навстречу пожеланиям тех помещиков и вотчинников, которые раньше успели оправиться после хозяйственного разорения 70—80-х годов, энергично распахивали землю, «называли» крестьян, помогая им обзавестись собственным хозяйством.

Отсчитывая пять лет от 1594 г., когда мы впервые встречаемся с ссылкой на пятилетний срок подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, нельзя обнаружить никаких знаменательных событий, которые могли бы послужить основанием для установления пятилетнего срока сыска. Очевидно, пятилетний срок был принят как минимальное время, необходимое крестьянину для обзаведения хозяйством на новом месте, после чего правительство считало уже нецелесообразным разрывать его связь с новым владельцем, так как в результате этого могла быть нарушена способность крестьянина нести государственное тягло и выполнять частновладельческие повинности⁹⁹. Издавая постановление о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, правительство намеревалось закрепить этих крестьян на новых местах, оформить крепостнические отношения, возникшие между ними и их новыми владельцами. Именно в этом факте проявляется закрепостительная тенденция, присущая постановлению о пятилетнем сроке сыска.

Бояре и дьяки Поместного приказа, составляя в начале XVII в. доклад боярской думе, содержащий историческую справку хода закрепощения накануне издания Уложения от 9 марта 1607 г., указывали, что сразу же вслед за запрещением выхода и учреждением книг «от того начались многие вражды, крамолы и тяжи (суды)».

Поток жалоб и исков, хлынувший в судебные органы, отражал более глубокие процессы, заключавшиеся в резком обострении в стране классовых и внутриклассовых противоречий.

Издание закона о запрещении выхода встретило сопротивление со стороны крестьянства. Большой интерес в этом плане представляет известное движение в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в 1594—1595 г. Волнениям в Иосифо-Волоколамском монастыре предшествовало резкое усиление эксплуатации монастырских крестьян посредством перевода их с оброка на барщину в 1589—1590 гг. и организации принудительного кредитования из высокого процента¹⁰⁰. Однако есть некоторые основания думать, что причины недовольства крестьян не ограничивались этим. Возможно, что слова М. Безнина: «А будет государь изволит крестьяном выходу быть и которые крестьяне пойдут из-за монастыря», были ответом на крестьянское требование о восстановлении права выхода в Юрьев день.

Волнения в Иосифо-Волоколамском монастыре были лишь одним из многих фактов обострения классовой борьбы в конце XVI в.

Внутри господствующего класса шла ожесточенная борьба за рабочие руки. Феодалы стремились укрепить за собой осевших у них в поместьях и вотчинах чужих беглых и вывезенных крестьян. Проведение на практике в этих условиях принципа оформления владельческих прав путем записи в официальных правительственных документах означало резкое возрастание спорных дел. В постановлении о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных по делам о крестьянском владении и вывозе правительство

⁹⁹ При этом надо учитывать и опыт предшествующего законодательства по земельным делам. Во времена в. к. Василия Дмитриевича действовал пятнадцатилетний срок давности в земельных тяжбах (см. П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, М., 1850, стр. 212—214). Ст. 9 Псковской судной грамоты устанавливала четырех-пятилетний срок давности в земельных тяжбах, а Судебник 1497 г. в ст. 63 и Судебник 1550 г. в ст. 84 устанавливали трех-шестилетний срок. Указом от 11 января 1558 г. были установлены пятилетние «урочные лета» в уплате «без роста» долга за заложенные вотчины (см. ПРП, вып. IV, стр. 525—526).

¹⁰⁰ К. Н. Шенетов. Указ. соч., стр. 101—102, 104.

хотело обрести средство, которое дало бы возможность каким-то образом ограничить огромное число исков по вопросам владения крестьянами с тем, чтобы суд мог продолжать эффективно выполнять свои классовые функции по охране феодальной собственности. Массовое бегство крестьян из поместий и вотчин, где их застала запись в книги, заставило государственную власть пойти на дальнейшие уступки. Правительство пришло к себе бессильным бороться с массовыми побегами крестьян и удовлетворить всех челобитчиков о беглых путем практиковавшегося до того времени бессрочного сыска. Бессрочный сыск беглых был заменен срочным. 24 ноября 1597 г. был издан указ, которым пятилетний срок подачи исковых челобитных, применяемый в 1594—1595 гг. в делах о крестьянском владении и вывозе, был распространен теперь и на беглых крестьян.

Указ от 24 ноября 1597 г. не имел, на наш взгляд, такого большого принципиального значения в общем ходе крестьянского закрепощения в России конца XVI — начала XVII в., какое придавалось ему в исторической литературе (И. Энгельман и др.)¹⁰¹. Бояре и дьяки Поместного приказа, составляя свою историческую справку и концентрируя внимание на законе царя Федора о запрещении крестьянского выхода, сочли возможным даже не упомянуть в ней об указе от 24 ноября 1597 г. Пятилетний срок сыска беглых был установлен в этом указе не потому, что в 1592—1593 г. было закончено составление новых писцовых книг, как полагал Н. С. Чаев¹⁰², а по аналогии с пятилетним сроком указа о крестьянском владении и вывозе.

В связи с толкованием указа от 24 ноября 1597 г. до сих пор является спорным вопрос об «урочных летах», т. е. о том, была ли законом введена пятилетняя давность исков по делам о беглых крестьянах на будущее или она распространялась только на прошлое время?

И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, Б. Д. Греков полагали, что пятилетняя давность исков о беглых крестьянах распространялась и на будущее время¹⁰³.

М. М. Сперанский и В. О. Ключевский высказались в противоположном смысле¹⁰⁴.

В последнее время в советской исторической литературе А. А. Новосельским была высказана мысль о том, что урочные лета были введены лишь в первые годы царствования Михаила Федоровича и представляли «новый порядок» по сравнению с предшествующим законодательством, на основании которого в конце XVI — начале XVII в. осуществлялся бессрочный сыск беглых крестьян¹⁰⁵.

¹⁰¹ В начале того же года, 1 февраля, был издан указ о холопах, синтезировавший предшествующее законодательство о холопах XVI в. Указ же от 24 ноября 1597 г. являлся законом другого рода: он исходил из предшествовавшего ему закона о запрещении выхода и установлении пятилетнего срока в подаче исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе и развивал лишь одну из его сторон применительно к сыску беглых крестьян. Законодательство о крестьянах 80—90-х годов XVI в. получило обобщение лишь позднее, в Уложении 9 марта 1607 г.

¹⁰² Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 160 и сл.

¹⁰³ И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 98; М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, М., 1907, стр. 148; В. И. Сергеевич. Указ. соч., т. 1, стр. 254; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. Сб. «Крестьянский строй», т. 1, СПб., 1905, стр. 63—64; С. Ф. Платонов. Борис Годунов, Пг., 1921, стр. 77; Б. Д. Греков. Указ. соч., кн. 2, стр. 321.

¹⁰⁴ М. М. Сперанский. Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым», кн. 2, СПб., 1858, стр. 35; В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 226.

¹⁰⁵ А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», Сборник статей, М., 1952, стр. 183. К мнению А. А. Новосельского относительно «урочных лет» примкнул И. И. Смирнов (см. И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова, М., 1953, стр. 136, прим. 1).

Если мнение А. А. Новосельского об урочных летах как о новом явлении, пришедшем на смену бессрочному сыску, нельзя не признать правильным и интересным, то его взгляд на них как на нововведение правительства Михаила Федоровича не может быть принят.

Сейчас мы располагаем материалами, достаточными для решения вопроса об урочных летах. Взгляд на урочные лета как на нововведение правительства царя Федора получает решительное подтверждение в делопроизводстве 90-х годов XVI в., позволяющем также уточнить и время их установления.

Из произведенного выше разбора этих дел видно, что пятилетний срок подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе применялся уже в начале 1594 г., и его действие не ограничивалось прошлым, но имело ввиду и будущее время. Урочные лета для беглых крестьян были введены указом от 25 ноября 1597 г.¹⁰⁶

Дворяне и дети боярские, подавая в 30—40-х годах XVII в. челобитные с указанием на «прежних государей», при которых, по их словам, сыск беглых крестьян производился без урочных лет, ссылались при этом на законодательство и практику сыска, имевшие место при Иване IV¹⁰⁷.

Составленная в 1645-1646 г. в Разрядном приказе историческая справка начинается выпиской из указа царя Федора 24 ноября 1597 г. как закона, впервые установившего пятилетние урочные лета для беглых крестьян, увеличенные затем Михаилом Федоровичем в 1637 г. до девяти, а в 1641 г. до десяти лет¹⁰⁸. Вынесенный на основании этой справки боярский приговор также содержит указание на то, что урочные лета не были нововведением Михаила Федоровича¹⁰⁹.

Таким образом, дворяне и дети боярские, ссылаясь в своих челобитных на «прежних государей», осуществлявших бессрочный сыск, имели в виду Ивана IV и, возможно, его предшественников Василия III и Ивана III, а бояре в своем приговоре, посвященном утверждению десятилетних урочных лет, под «прежними государями», при которых действовали урочные лета, подразумевали Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского.

Сложилось представление, что короткие урочные годы были выгодны только богатым, крупным землевладельцам¹¹⁰. Действительно, короткие урочные годы были выгодны богатым землевладельцам, которые владели вотчинами и поместьями в различных уездах государства и имели большие возможности переманить к себе чужого крестьянина и укрыть его у себя. Однако, как справедливо отметил А. А. Новосельский, такой взгляд ведет к упрощенному объяснению вопроса. А. А. Новосельский указал на тот факт, что в 20—50-х годах XVII в. сохранение коротких урочных лет было выгодно также и служилым людям южных уездов¹¹¹.

Думается, что заинтересованность служилых людей южных уездов в коротких урочных летах проявилась у них еще раньше, в конце XVI — начале XVII в. и была обусловлена спецификой хозяйственной жизни на

¹⁰⁶ 1 февраля 1606 г. они получили подтверждение в указе Лжедмитрия I, где было сказано: «А на беглых крестьян по старому приговору даде пяти лет суда не давати», ААЭ, т. II, № 40. В Уложении 9 марта 1607 г. были сделаны прямые указания на то, что урочные лета распространялись и на будущее время.

¹⁰⁷ П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. «Чтения ОИДР», кн. 3, 1915, стр. 43.

¹⁰⁸ См. там же, стр. 48.

¹⁰⁹ «И в нынешнем по 154-м году октября в 19 день государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал и бояре приговорили: той статье о крестьянах быти по уложению прежних государей как учинено при его государеве отце, блаженные памяти при великом государе и великом князе Михаиле Федоровиче по 149-м году, потому что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое, — десять лет». Там же, стр. 49.

¹¹⁰ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 323.

¹¹¹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 178—179.

юге и на юго-востоке страны. Наличие массы плодородных земель и острая нехватка рабочих рук¹¹² вели к тому, что дворянство юга оказывалось заинтересованным на данном этапе во введении и сохранении в дальнейшем коротких сроков сыска беглых крестьян, чтобы удержать и закрепить за собой устремившихся сюда беглых крестьян из центральных уездов страны¹¹³. В этом оно расходилось с дворянством центральных, западных и северо-западных уездов, в интересах которого было удлинение и полная отмена сроков сыска¹¹⁴. По степени закрепощения юг России в конце XVI — начале XVII в. отставал от центра.

Таким образом, помещики центра и юга, будучи одинаково заинтересованными в крестьянском закрепощении, расходились, однако, по вопросу о формах его осуществления на практике. В этом отношении большой интерес представляет та поддержка, которую оказало дворянство юга Лжедмитрию I при его движении на Москву в 1605 г. В этой связи можно рассматривать и подтверждение указом от 1 февраля 1606 г. пятилетнего срока сыска беглых крестьян. Подтверждая пятилетние урочные годы, Лжедмитрий I хотел заручиться поддержкой южного дворянства и на будущее время¹¹⁵.

Указ от 24 ноября 1597 г. явился дальнейшей ступенью, этапом на пути закрепощения крестьянства. Однако при наличии в нем ясно прослеживаемой общей закрепостительной тенденции ему присущи колебания, свойственна глубокая противоречивость¹¹⁶.

Закрепостительная тенденция указа от 24 ноября 1597 г. нашла выражение, во-первых, в том, что это был первый общегосударственный закон о беглых, в котором получила законодательное обобщение многолетняя практика борьбы феодального государства с бегством; во-вторых, издание этого закона должно было активизировать борьбу с бегством не только правительственных органов, но и всего класса феодалов в целом. Теперь тот или иной феодал не мог сколько-нибудь медлить с выясне-

¹¹² П. П. Смирнов. Орловский уезд в конце XVI в. по писцовой книге 1594-1595 г., Киев, 1910; Г. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках, Киев, 1915; М. Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII в. по писцовым книгам, Рязань, 1911; П. Г. Любимиров. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг., Пг., 1917; А. В. Эммауский. Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. «Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения», т. VII, вып. 3. Киров, 1934.

¹¹³ В Орловском уезде, например, в 90-х годах XVI в. таких беглецов насчитывалось 10,8% от общего числа крестьян (см. П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 328—329).

¹¹⁴ Беглые крестьяне записывались на юге в казаки, стрельцы, пушкарки и т. д. Поэтому в установлении пятилетнего срока сыска беглых крестьян сказались и государственные интересы по охране южных границ.

¹¹⁵ Особенно ярко противоречия между дворянством юга и центра, среди которых определенное место занимал и вопрос об урочных летах, проявились во время восстания Болотникова, когда помещики западных, северо-западных и центральных уездов выступили в защиту правительства Василия Шуйского, а помещики южных уездов в борьбе за свои интересы не прочь были использовать крестьянское движение на его начальных этапах, чтобы вырвать у правительства нужные ему уступки. В этом факте сказались известная незрелость классовых отношений на юге России накануне и во время восстания И. И. Болотникова. См. И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 164—172, 360; В. И. Коретский. К истории восстания И. И. Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 127—128.

Пятнадцатилетний срок сыска для вывезенных и беглых крестьян Уложения 9 марта 1607 г., являвшегося важным этапом в ходе закрепощения крестьян, может быть рассмотрен (в качестве одного из моментов его установления) как известный компромисс между дворянством севера и юга, способствовавший объединению их сил в борьбе с восставшими крестьянами и холопами в критический для всего господствующего класса момент.

¹¹⁶ В литературе были высказаны различные мнения при оценке значения указа от 24 ноября 1597 г. в общем ходе крестьянского закрепощения. П. И. Беляев увидел в нем закон, освобождающий от крепости (см. П. Беляев. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение. «ЖМЮ», 1916, № 9, стр. 132—133). Н. С. Чаев, полемизируя с П. И. Беляевым, правильно подчеркивал закрепощающее значение указа, но не склонен был обращать внимание на свойственные ему колебания (см. Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 160—161).

нием местонахождения бежавшего от него крестьянина и с подачей исковой челобитной. Он должен был проделывать все это значительно быстрее, чтобы уложиться в пятилетний срок. Применение закона от 24 ноября 1597 г. должно было оформить крепостнические отношения, возникшие между беглыми и их новыми владельцами, и тем самым способствовать проведению в жизнь требования изданного до него закона царя Федора, воспретившего крестьянам выход и объявившего обязательную регистрацию всех крестьян в официальных документах.

Колебания же правительства, отразившиеся в законе от 24 ноября 1597 г., заключались, во-первых, в том, что оно открыто признало свою неспособность вернуть всех беглых старым владельцам путем проведения бессрочного сыска и отдало предпочтение их закрепощению на новых местах в угоду богатым землевладельцам и дворянству южных уездов, заинтересованному в удержании у себя беглых крестьян из центральных уездов, а также в силу государственных соображений по охране южных границ; во-вторых, установление пятилетнего срока подачи исковых челобитных было использовано крестьянами в их борьбе против растущего закрепощения. Беглыми крестьянам было совсем не безразлично, сыскивают ли их бессрочно или только в течение пяти лет. В последнем случае они безусловно чувствовали себя увереннее в бегах, зная, что через пять лет их уже нельзя было вернуть старому помещику.

Отмеченная противоречивость закона от 24 ноября 1597 г. является чертой, присущей всему законодательству о крестьянах 90-х годов XVI в., и находит объяснение в резком обострении в стране классовых и внутриклассовых противоречий накануне крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова.

Среди мер правительства Бориса Годунова, направленных на ослабление напряженной обстановки в стране, надо указать на не известную еще в литературе амнистию 1598 г.¹¹⁷ О какой-то попытке Бориса Годунова несколько ограничить феодальную эксплуатацию крестьянства сообщал в 1598 г. в своем донесении Михаил Шиль¹¹⁸.

В 1601 и 1602 гг. в обстановке назревающей крестьянской войны, когда положение народных масс сильно ухудшилось в результате поразившего страну страшного голода, правительство Бориса Годунова пошло на еще большие уступки. Специальными указами был разрешен выход, вернее вывоз крестьян в среде мелкого и среднего дворянства («промеж себя»).

Уложение 9 марта 1607 г., изданное в самый разгар борьбы против восстания Болотникова, являлось реакцией господствующего класса на крестьянскую войну. Социальной программе восставших, направленной на уничтожение крепостничества и его основы — феодальной собственности, составители Уложения стремились противопоставить свою, крепостническую программу.

Уложение 9 марта 1607 г. преследовало две тесно связанные между собой цели: во-первых, оно было призвано укрепить сложившуюся в основных чертах в России к концу XVI в. в общегосударственном масштабе систему крепостного права, расшатанную в результате классовой борьбы крестьянства, и, во-вторых, ослабить борьбу за рабочие руки между феодалами, чтобы сплотить все слои господствующего класса на подавление восстания Болотникова.

¹¹⁷ О ней мы узнаем из памяти, присланной из Москвы в Новгород к новгородскому воеводе князю Д. А. Ногтеву и дьяку Дмитрию Алябьеву 15 января 1598 г. за приписью дьяка Посника Дмитриева. В этой памяти было написано следующее: «которые люди сидят по тю[р]ьмам и стоят на правежах в Великом Нов[городе] и по всей Ноугородской земле в приг[ородах] и по станом в губах в государевых и во всяких з[аписных] делах, тотчас ис тюрем свободити, и оп[равив] в государевых деньгах, спустити безпоручно и з[апи]си поручные и переводные им выдати» (ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43283, л. 95).

¹¹⁸ «Чтения ОИДР», кн. II, 1875, отд. IV, стр. 17.

Первая цель достигалась как путем идеологического обоснования закрепостительной политики, так и посредством подтверждения и развития в новых условиях крепостнического законодательства о крестьянах 90-х годов XVI в.

Связывая восстание Болотникова с изданием в царствование Федора Ивановича указа о запрещении крестьянам выхода в общегосударственном масштабе, составители Уложения 9 марта 1607 г. в то же время делали упор прежде всего на критику указов Бориса Годунова 1601 и 1602 гг., характеризую их как такое нарушение первоначально провозглашенных принципов общего запрещения выхода и крепости крестьян по писцовым и другим книгам, которое непосредственно привело к крестьянской войне.

Высказав свое отрицательное отношение к крестьянскому выходу даже в сильно ограниченных размерах, составители Уложения 9 марта 1607 г. в дальнейшем уже не возвращались к этому вопросу. О крестьянском выходе в основном тексте Уложения не сказано ни слова. Запрещение выхода в общегосударственном масштабе является для них безусловным и непреложным фактом. Уложение 9 марта 1607 г. исходит из закона царя Федора о запрещении выхода. Владельческие права на крестьян Уложением признаются за теми феодалами, за которыми они были записаны в «книгах 101-го года» (1592-1593 г.): «Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101-го году положены, и тем быть за кем писаны». Это предписание Уложения должно быть расценено как признание недействительными отношений между крестьянами и землевладельцами, возникших в результате применения указов Бориса Годунова 1601 и 1602 гг., а также закона Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. Вместе с тем оно означало подтверждение указа царя Федора о запрещении выхода и учреждении писцовых книг основанием крепости.

В Уложении 9 марта 1607 г. последовательно проводится принцип обязательной документации крепостнических отношений, характерный для законодательства 90-х годов XVI в. о крестьянах и холопах.

Основной лейтмотив, пронизывающий все Уложение 9 марта 1607 г., — это борьба с побегами крестьян и холопов, число которых резко возросло накануне и во время крестьянской войны¹¹⁹, и незаконным вывозом и сманиванием крестьян одними феодалами у других.

В целях повышения эффективности борьбы с крестьянскими побегами в Уложении 9 марта 1607 г. появляются новые моменты, не известные нам по предшествовавшему законодательству. Так, впервые в законодательстве о беглых устанавливается система санкций за прием чужих крестьян в виде штрафа в пользу государства в размере 10 рублей и компенсации старому господину за понесенные убытки в размере 3 рублей в год (так называемое «пожилое»), уплачиваемых феодалом, принявшим беглого крестьянина¹²⁰.

В Уложении 9 марта 1607 г. имеются специальные постановления относительно порядка розыска и возвращения беглых крестьян. Сыск беглых вменяется в обязанность представителям государственной администрации на местах. Если же представители местной администрации не будут выполнять предписания Уложения 9 марта 1607 г. о сыске беглых крестьян, то они подвергаются государственному штрафу в двойном размере и отстраняются от занимаемой должности.

¹¹⁹ Л. В. Черепнин. Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в. «Ученые записки Института истории РАН ИОН», т. VII, 1928; А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 80, 1941.

¹²⁰ В законе от 24 ноября 1597 г. наказания за прием чужих беглых крестьян еще не предусмотрены. Зато в законодательстве XVII в. они занимают важное место (см. АИ, т. III, № 92, XXXIII; Соборное Уложение 1649 г., гл. XI, ст. 10 и др.; Указ 13 сентября 1661 г. Полное собрание законов (ПСЗ), т. I, СПб., 1830, № 397).

Таким образом, в Уложении проводится мысль о том, что сыск и возвращение беглых и вывезенных крестьян являются не частным делом помещика, а делом правительства как представителя господствующего класса в целом. Государство, оформляя юридически крепостное право, заявляет, что оно будет стоять на страже крепостнического порядка и решительно пресекать все отклонения от него как со стороны крестьян и холопов, так и со стороны отдельных феодалов и должностных лиц.

Составители Уложения 9 марта 1607 г., учитывая в какой-то мере соотношение классовых сил в стране, вынуждены были проводить менее жесткий закрепостительный курс, чем они хотели бы. В обстановке бушующей в стране крестьянской войны правительство не смогло обеспечить бессрочный сыск беглых крестьян, действовавший в течение трех лет после издания закона царя Федора о запрещении выхода крестьянам и бобылям. Оно вынуждено было сохранить урочные лета, правда, удлинив их до 15 лет как для вывезенных, так и для беглых крестьян.

Произведенная в настоящей статье проверка Уложения 9 марта 1607 г. показаниями других источников позволяет утверждать полную достоверность как самого текста Уложения, так и содержащегося в нем доклада о ходе закрепощения в конце XVI — начале XVII в. Можно считать, что за некоторыми изменениями, обусловленными временем и сложной обстановкой крестьянской войны (продление срока подачи челобитных о беглых и вывезенных крестьянах до 15 лет, введение уплаты «пожилого» как штрафа за прием чужих крестьян), в первом абзаце Уложения 9 марта 1607 г. мы встречаемся с законодательством о крестьянах 90-х годов XVI в., использованным составителями Уложения, возможно, вплоть до заимствований текстологического порядка. Уложение 9 марта 1607 г. представляет собой обобщение и развитие в новых условиях законодательства о крестьянах 90-х годов XVI в. В основных своих частях оно вошло впоследствии в Соборное Уложение 1649 г.

Подведем краткие итоги.

Разработанная в исторической литературе концепция лишения крестьян в России права выхода в общегосударственном масштабе посредством издания в 1580 или в 1581 г. закона о заповедных годах, подвергавшегося затем без каких-либо изменений в течение неопределенного времени ежегодному подтверждению, представляет одно из возможных решений вопроса о ходе закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. В настоящей статье, на основании изучения вновь обнаруженных материалов, предложено иное решение указанной проблемы, которое может быть в дальнейшем уточнено путем новых архивных розысканий.

Режим заповедных лет в 80-х годах XVI в. не получил еще полного завершения, находился в процессе развития и утверждения.

Введение заповедных лет, мероприятия по отмене тарханов, проведение в 80-х — начале 90-х годов описания большинства уездов страны, издание около 1591 г. указа об обелении части собственной помещичьей запашки — подготовили необходимые условия для издания около 1592-1593 г. указа, запретившего крестьянам и бобылям выход на всей территории государства, объявившего писцовые книги нового общего описания 80 — 90-х годов юридическим основанием крестьянской крепости, провозгласившего принцип обязательной регистрации крепостнических отношений в правительственных документах, установившего пятилетний срок подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, подразумеваемая при этом сохранение бессрочного сыска беглых крестьян. Издание этого указа означало распространение режима заповедных лет и на будущее время.

Указ царя Федора о запрещении выхода явился кульминационным пунктом закрепостительной политики в конце XVI — начале XVII в. Регулируя различные стороны взаимоотношений между феодалами и крестья-

нами, он оформил в основных чертах крепостное право в России в общегосударственном масштабе и прозвучал непосредственным сигналом к крестьянской войне, подготовлявшейся всем ходом социально-экономического развития XVI в.

Соппротивление крестьян и холопов, а также противоречия внутри самого господствующего класса, не позволяли правительству вести закрепостительную линию прямолинейно. В ее проведении заметны колебания. Включение в восстанавливаемый указ о запрещении выхода постановления о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе свидетельствует о том, что правительство в обстановке назревающей крестьянской войны и еще не вполне преодоленных последствий тяжелого хозяйственного разорения 70—80-х годов XVI в., когда резко обострились классовые и внутриклассовые противоречия, не имело сил затянуть петлю крепостной неволи до конца. В дальнейшем оно должно было пойти на еще большие уступки, распространив в 1597 г. урочные лета на беглых крестьян и разрешив частичный выход и вывоз крестьян в 1601 и 1602 гг.

Урочные лета для вывезенных и беглых крестьян не были отменены и в Уложении 9 марта 1607 г., изданном в разгар крестьянской войны и призванном укрепить расшатанную систему крепостничества в России. Они лишь были удлинены до 15 лет, причем провести это решение в жизнь не удалось. В дальнейшем правительство Михаила Федоровича под воздействием крестьянской войны, разорения страны и ослабления государственного аппарата в результате польско-шведской интервенции пошло на сокращение срока сыска беглых и вывезенных крестьян до пяти лет.

Господствующему классу потребовалось 40 лет для того, чтобы в Уложении 1649 г. отменить урочные лета и окончательно оформить юридически в общегосударственном масштабе систему крепостного права.

